

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 46 | 14 НОЯБРЯ | ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО | 1942 ГОД | Цена 45 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

1 стр. Ответы тов. И. В. Сталина на вопросы корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс. Переложил Великий задачи. М. Рыльский. Так будет! В ВЦСПС и Комитете по делам кинематографии при СНК СССР. Информация. 25 лет советского театра. Декада «Искусство Урала».

2 стр. Е. Кригер. В Сталинграде. В. Перцов. Рассказы о наших людях. В. Александров. Без риторик. В. Инбер. Эпская высота (стихи).

3 стр. Художественная выставка «Великая отечественная война». В. Шквариков и А. Замошкин.

Искусство наших дней. А. Герасимов. Всесоюзный смотр. Н. Волков. Дух мужества. М. Алпатов. Графическое циклы. Г. Савицкий. Зрелое мастерство. М. Маннгер. Скульптурные портреты.

4 стр. А. Февральский. «Инженер Сергеев». Ф. Каверин. Комментарии к Шекспиру. М. Ильин. Почему медленно делаются фильмы. Информация. По Советской стране. 75-летие Н. Д. Телешева. Московская хроника. За рубежом. Стаффорд Криппс о советском искусстве.

Великие задачи

С исключительным вниманием слушала вся страна исторический доклад товарища Сталина о XIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Правильные и мудрые слова его уже воплотились в программу действий для миллионов воинов Красной Армии, для великой армии рабочих нашей страны — железнодорожников, нефтяников, горняков, оружейников, металлургов, танкостроителей, самолетостроителей, для многонационального многонационального трудового крестьянства, для всей нашей интеллигенции.

В годную прозвучавших для советского народа на долю армии искусство выпала ответственная задача до конца раздаться со своим народом его лишения и победы, его труды, подвиги, битвы, учиться у боюющегося народа и воспитывать в нем чувства патриотизма, бесстрашия, мужества, стойкости, презрения к смерти, поддерживать в его сердце священный огонь ненависти к врагу, воспевать героев народа, разить и разоблачать врагов его, «подожать в жертву мести и клеветы и в родине любовь», как писал прекрасный русский поэт-патриот Батюшков.

Истинный художник, который в дни великих испытаний думает и чувствует вместе с народом, не может не раскрыть во всем, что делает, лучшие стороны своей души. Так освещает его муза военной войны, вдохновляющая, суровая и прекрасная муза его народа и в огне войны рождается большое искусство.

Так рождалась сельская симфония Шостаковича. Так были созданы лучшие произведения советской литературы, живописи, скульптуры, музыки, театра и кино, оплывавшие кровью миллионов бойцов на фронте и тружеников в тылу.

Но в свете исторических задач, поставленных товарищем Сталиным перед советским народом, все это сделала армия искусств?

Советские рабочие люди, советские инженеры и хозяйственники проявили исключительный организаторский талант, когда в тяжелейших условиях войны сумели переориентировать отрасли промышленности — как военная, так и гражданская, в восточные районы страны. И в Урале и в Сибири, в Поволжье и в Казахстане, в республиках Средней Азии выросли заводы-гиганты, обеспечивавшие нашу армию необходимым вооружением.

Великие труженики родины нашей — интеллигенты и колхозники, партийные и хозяйственные руководители деревни проявили исключительную силу организаторского таланта, когда взамен временно утерянных областей расширили производственную и увеличили осязательный запас на востоке и честно соблюдали наемные и Красную Армию продовольствием, а нашу промышленность — сырьем.

«Пожно сказать, что это была труднейшая и сложнейшая организаторская работа большого масштаба всех наших хозяйственных и административных работников, в том числе — нашего железнодорожного транспорта. Однако труднейшей удалось преодолеть». (И. Сталин).

Вся эта гигантская работа наших советских людей, преодолевших невозможные препятствия и трудности, почти не нашла отражения в нашей литературе и во всем нашем искусстве. Можно назвать только единичные произведения на эти темы, но и они не дают представления ни о масштабе и размахе этой работы, ни о людях, раскрывших на ней свои неограниченные силы. А между тем — в результате всей этой сложной организаторской работы преобразились не только наша страна, но и сами люди в тылу».

Народ, наш советский человек есть первый и главный предмет нашего искусства. Показать, как люди, в мирное время незаметные, радужные во время войны передовые люди в стране и на производстве — это ли не решающая задача нашей литературы, всего нашего искусства? Какую огромную воспитательную роль могли бы играть этого рода художественные произведения для нового поколения рабочего класса — вечерних домашних хозяек, жен бойцов и командиров, молодых рабочих и простоток, вечерних учеников средних школ и ремесленных училищ.

Пора, давно пора показать во всем весь наш советский хозяйственник и инженер, этих незаурядных людей, которыми вырабатывается советская страна, умелыми руками и разумом которых создается все то новое и небывалое в истории, что оказалось под силу осуществить только советскому строю.

Если еще можно назвать некоторое количество произведений искусства из жизни советского города во время войны, то наша колхозная деревня, ее люди, которые всех кормят и одевают, новые люди, раскрывшие во время войны новые прекрасные стороны своей души, преодолевшие невозможные трудности, противоречия и препятствия, остаются вне поля зрения нашего искусства. Показать этих людей и их великий безымянный труд — это благородная задача советского искусства.

Немало хороших произведений об отечественной войне создано советскими художниками всех видов искусства. Но разве можно сказать, что наше искусство во всем роет показало героев Москвы и Тулы, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Сталинграда, людей, о которых товарищ Сталин говорит,

что по ним равняется вся наша Красная Армия!

Советский строй порождает в наших людях исключительные душевные силы. В условиях советской жизни сложились прекрасные человеческие индивидуальности, объединенные общим трудом на благо родины. Эти качества души самого простого, самого рядового советского человека невиданно раскрылись в отечественной войне. И уже прямо время тому, чтобы советские художники показали во всю силу таланта, как росли и растут наши люди на войне, как формируются, закаляются, овладевают умением воевать в современных условиях лучшие кадры нашей армии.

Благодаря этим кадрам Красная Армия, отбив атаку немцев на Москву зимой 1941 года, взяла инициативу в свои руки, перешла в наступление, потнала немецкие войска и в течение 4 месяцев прошла мостами более 400 километров. Благодаря этим кадрам был разбит и разбит летний план немцев обхода Москвы с востока и удара по Москве. Стойкостью и умением этих кадров бешеному врагу нанесены сокрушительные удары в боях за Сталинград и Кавказ.

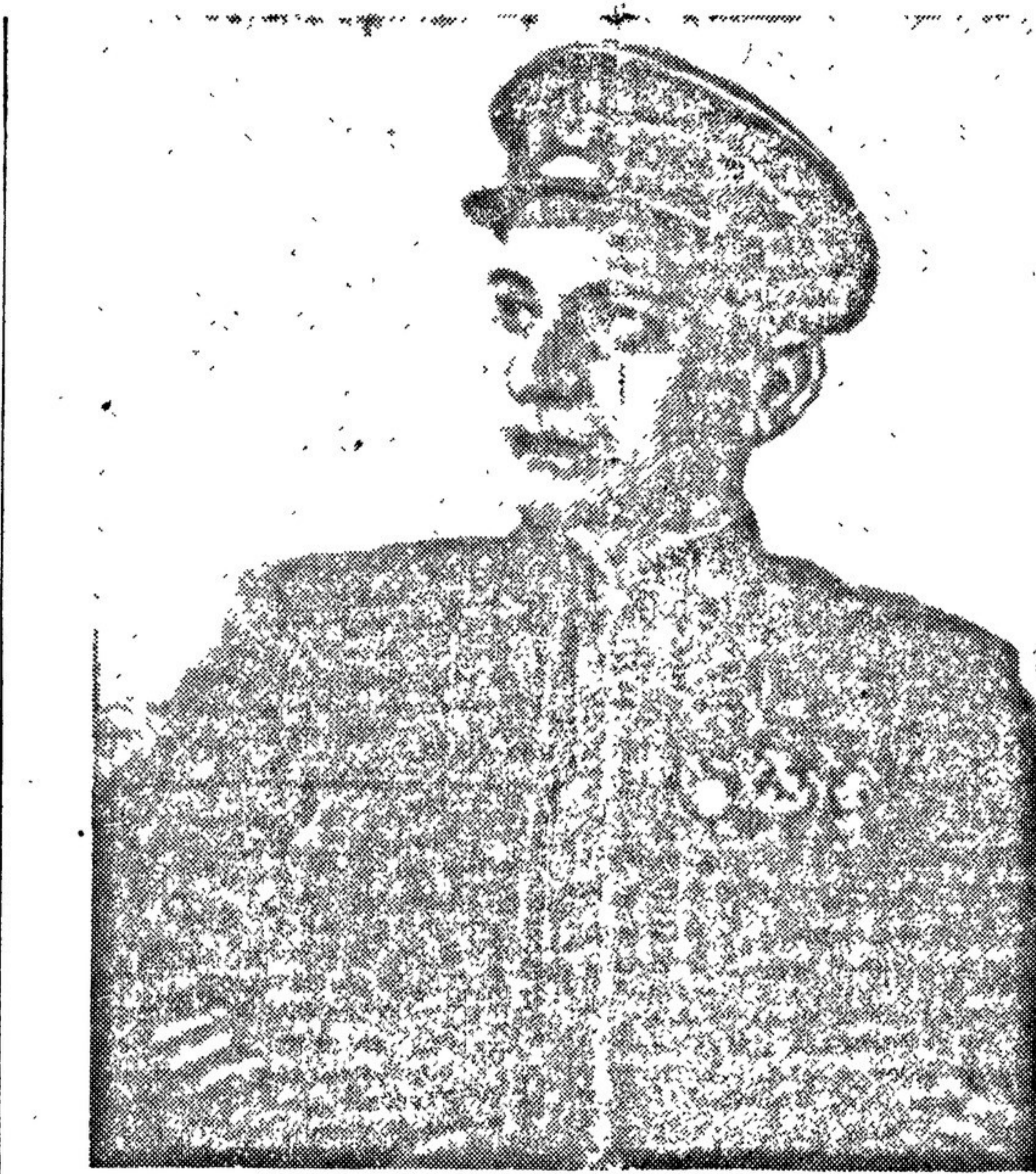
В своем докладе товарищ Сталин исчерпывающе охарактеризовал, какой силы натиск, — натиск 240 дивизий врага при отсутствии второго фронта в Европе, — выдержала наша Красная Армия. Выдержала потому, что могучие кадры воспитаны в недрах нашей Красной Армии. Гордостью отозвались в сердце каждого советского патриота слова товарища Сталина: «...Никакая другая страна и никакая другая армия не могла бы выдержать подобный натиск озверевших банд немецко-фашистских разбойников и их союзников. Только наша Советская страна и только наша Красная Армия способны выдержать такой натиск. И не только выдержать, а преодолеть его».

Врагу еще предстоит узнать силу сокрушительных ударов Красной Армии.

Показав эти кадры наших воинов советских людей, воспитывать на их примере новых и новых героев войны — это задача советского искусства и это — его историческая миссия. Чем же в отличие от советского искусства от великого иного, как не тем, что оно способно, оно умеет показать величие и красоту души наших советских людей — этих новых людей в историческом развитии человечества.

Наш народ сражается за честь, свободу и независимость великой многонациональной советской родины. На знамени англо-советско-американской коалиции написаны лозунги освобождения народов Европы от гитлеровской тирании. На эти знамена написано: «Проклятие и смерть немецко-фашистским захватчикам, их государствам, их армии, их «новому порядку». Наша могучая советская родина — решающая сила в этой освободительной борьбе народов. Советское искусство должно подняться до высоты исторической миссии своей родины.

Пусть великая правда сталинских слов осветит наше советское искусство! Пусть пламенное слово (той всемогущей ненависти к врагу, которой пронизано каждое статистическое слово, направленное против гитлеровских палачей и мерзавцев! Пусть все духовные и физические силы художников слова, кисти и резца, вдохновенных создателей симфоний и песен, артистов и режиссеров театра и кино будут направлены на главное — воспеывать, неустанно воспеывать в каждом советском человеке страстное стремление к победе! Пусть в сердце каждого горит пламя победы, великий сталинский дух победы!

Герой Советского Союза М. Фисанович. Портрет работы А. Герасимова. Выставка «Великая Отечественная война».

В ВЦСПС и Комитете по делам кинематографии при СНК СССР

Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов и Комитет по делам кинематографии при СНК СССР, рассмотрев итоги всевозможного социалистического соревнования за октябрь 1942 года, признали победителями в социалистическом соревновании нижеследующие предприятия и организации и решили:

1. Оставить переходящее Красное Знамя Центрального комитета профсоюза рабочих промышленности и организации химии и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР и выдать премию фабрике № 5 (директор т. Литманович, секретарь парторганизации т. Вабокевич, предфабрика т. Гринчук).

2. Оставить переходящее Красное Знамя Центрального комитета профсоюза рабочих точного машиностроения и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР и выдать премию заводу «Мосиннап» (директор т. Бодров, секретарь парторганизации т. Степанов, предзавода т. Харитонова).

3. Оставить переходящее Красное Знамя Центрального комитета профсоюза кинофотопромышленности и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР и выдать премию заводу «Москино» (директор т. Бодров, секретарь парторганизации т. Степанов, предзавода т. Харитонова).

4. Оставить переходящее Красное Знамя Центрального комитета профсоюза кинофотопромышленности и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР и выдать премию заводу «Москино» (директор т. Бодров, секретарь парторганизации т. Степанов, предзавода т. Харитонова).

ОТВЕТЫ тов. И. В. СТАЛИНА НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОГО АГЕНТСТВА АССОШИЭТЕД ПРЕСС.

Московский корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс г. Кэсиди 12 ноября обратился к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталину с письмом, в котором он просил ответить на три вопроса, интересующие американскую общественность.

Тов. И. В. Сталин ответил г-ну Кэсиди следующим письмом: «Г-н Кэсиди!

Отвечаю на Ваши вопросы, присланные 12 ноября: 1. «Как Советская сторона расценивает кампанию союзников в Африке?»

Ответ. Советская сторона расценивает эту кампанию как выдающийся факт большой важности, демонстрирующий растущую мощь вооруженных сил союзников и открывающий перспективу распада итапо-немецкой коалиции в ближайшее время.

Кампания в Африке лишней раз опровергает скептиков, утверждающих, что англо-американские руководители неспособны организовать серьезную военную кампанию. Не может быть сомнения, что только первоклассные организаторы могли осуществить такие серьезные военные операции, как успешные десанты в Северной Африке через океан, быстрые занятия портов и обширных территорий от Касабланка до Бужи и мастерски проводимый разгром итапо-немецких войск в Западной пустыне.

2. «Насколько эффективна эта кампания в смысле уменьшения давления на Советский Союз и какой дальнейшей помощи ожидает Советский Союз?»

Ответ. Пока еще рано говорить о степени эффективности этой кампании в смысле уменьшения непосредственного давления на Советский Союз. Но можно сказать с уверенностью, что эффект будет не малый и известное уменьшение давления на Советский Союз наступит уже в ближайшее время.

Дело, однако, не только в этом. Дело прежде всего в том, что поскольку кампания в Африке означает переход инициативы в руки наших союзников, она меняет в корне военно-политическое положение в Европе в пользу англо-советско-американской коалиции. Она подрывает авторитет гитлеровской Германии, как руководящей силы в системе государств оси, и деморализует союзников Гитлера в Европе. Она выводит Францию из состояния оцепенения, мобилизует антигитлеровские силы Франции и дает базу для организации антигитлеровской французской армии. Она создает условия для вывода из строя Италии и для изоляции гитлеровской Германии. Наконец, она создает предпосылки для организации второго фронта в Европе поближе к жизненным центрам Германии, что будет иметь решающее значение в деле организации победы над гитлеровской тиранией.

3. «Какова вероятность присоединения советской наступательной силы на Востоке к союзникам на Западе в целях ускорения окончательной победы?»

Ответ. Можно не сомневаться в том, что Красная Армия выполнит с честью свою задачу, так же как она выполняла ее на протяжении всей войны.

С уважением И. СТАЛИН. 13 ноября 1942 года.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР О ПРИСВОЕНИИ ПОЧЕТНЫХ ЗВАНИЙ РСФСР РАБОТНИКАМ ИСКУССТВА

За выдающиеся заслуги в области искусства присвоить почетные звания:

1. Баратову Леониду Васильевичу — главному режиссеру Ленинградского государственного театра оперы и балета им. С. М. Бирюкова.

2. Крыкову Николаю Петровичу — художнику.

3. Заслуженного артиста РСФСР 1. Вина Марии Густавовны — артистке Свердловского театра музыкальной комедии.

2. Дальской Елизавете Константиновне — артистке Свердловского областного драматического театра.

3. Нолоуб Оксане Владимировне — оперной певице Свердловского театра оперы и балета им. Луначарского.

4. Леонору Григорью Евсевичу — артисту Ростовского и Дону областного драматического театра.

5. Ромашенковой Наталье Петровне — солистке Всесоюзного радиокомитета.

6. Трусову Аркадию Васильевичу — артисту театра Краснознаменного Балтийского флота.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР А. БАДАЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. БАХМУРОВ. Москва, 13 ноября 1942 года.

М. РЫЛЬСКИЙ Так будет!

«В далекой Романовке, в саду дяди Тодоса Чуприна между двумя абрамьями арнаутками висит гамак. В нем, нависший яблоч, до шашоры в аубах отбывает после «трудов праведных» немец. А по дороге из Кошляк плетутся приятные горем одолевшие наши. Там, на полях, возле старой школы их собирают в табуны и гонят на Кожанку или Полювню, чтобы оттуда, как скот, в закрытых товарных вагонах вести в рабство на проклятую Неметчину. Плачут старые матери, валежные и выросшие из детей своих. Стоят по ночам от печали Черный лес слезами горя переполняется река Унава».

Так начинается свое письмо ко мне старший лейтенант нашей славной Красной Армии Леонид Ступинский, сын моего приятеля кузнеца Василия Ступинского, которого я помню мальчиком. Романовка — мое родное село, с которым связаны мои детские годы, мечты и радости. Унава — река на берегах которой я вырос, рыбака и охотник со своими сверстниками и учась у старших мудрой любви к природе. Тодос Чуприна — один из боевых участников левостороннего пятого года, страстный садовод-самоучка, чьи опыты и наблюдения вызывали тогда презрительную улыбку на устах чужих садоводов, кактусы мне теперь чем-то родственны великим экспериментам и начинаниям Мичурина и Лысенко. Мальчик мирок, о котором пишет Леонид Ступинский — это весь каляп, отражающая мера. Имя этому морю — Украина.

Украина, которую мы любим, в которую верим и за которую боремся, — это не только прекрасный синий Днепр, — это и прекрасный Днепр, дело рук

Хорошие, правильные слова. Земля Украины, как и земля Белорусии, Азербайджана, Грузии, Армении, Казахстана, Башкирии, живет сердце Москвы. Украина, свободная трудовая Украина — неотъемлемая часть великого Советского Союза. Иной мы себе не мыслим.

Война за Украину, мы воюем и за Ленинград, и за Сталинград, и за все, что дал нам Ленин, что дает нам Сталин. Война за Украину, мы воюем за идею, совершенно недоступную нашим врагам, — за братство народов, освященное потом и кровью поколений и осязаемое солнцем прекрасного грядущего.

Мой корреспондент — почти незнакомый мне человек. Помню, как связью была и поселил кузницу Василия Ступинского — своеобразный сельский клуб, напоминавший ту кузницу Якова Франко, отна нашего Ивана Франко, о которой поэт всю жизнь вспоминал с нежностью и благодарностью. — то вертелся там у горна какой-то мальчик, действительно, припоминаю, называвшийся Леонид. А он теперь вот что пишет о том времени: «Положишь, бывало, книгу на наковальню и читаешь Франко «Камеомолы», «Вечный революционер», или что-нибудь Коцюбинского». Хорошие книги читал маленький Леонид, и они, конечно, помогли ему сделаться настоящим человеком, когда он, по его словам, «благодаря советской власти пошел в жизнь».

«Теперь я отдыхаю, — пишет мой молодой земляк. — Это вышло из того, что есть возможность писать чернилами. Но скоро снова пойду писать пулей, штыком».

И вот что замечательно: письмо это приходит питателям — здесь палые строения на советских украинских постох, воинов не выдают, отвечающие самым логичным, восторженным и чистым образом молодого красного командира. Книга, культура, поэзия и мысль воинов в дельте и

Кровь советского человека. Ведь, конечно, Леонид Ступинский — не исключение. И я мои товарищи получаем с фронта сотни писем, в которых говорится о радости бою, о коллективном чтении — в далеком и спокойном промежутке между двумя боями — журнала «Украинская Литература», писем с категорическими требованиями высылки новой и классической литературы. Как это непохоже на тулне, страшные своим цинизмом письма, которые мы находим в сумках фрицев и гапсов солдат прекрасного грядущего.

Гитлеровский сброд воет против великого народа. Словоз титанические страдания и испытания, с неслыханным напряжением воли этот народ идет к своей цели — разгром врага. За свой хлеб, свое поле, свои заводы, свои книги, свои песни, за счастье и дружбу воет наш народ.

«Враг уже испытал однажды силу ударов Красной Армии под Ростовом, под Москвой, под Тихвином. Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей земле праздник!» (Сталин).

И наступит день — веселым шествием зашумит печальный ныне Черный лес, светлые струи малозвестной реки Унавы отражат радостные лица юношей и девушек, снова нашедших свое счастье. Пусть вырабует сад Тодоса Чуприна, разрушенны кузница и хата Василия Ступинского, но вырастат на милой нашей земле новые невиданные салы, зарубятся раны, уткнут бой, и вчерашние боины, молодые кузнецы и пахары, будут жить, любить, трудиться, создавать и заселять всеми своими границами в светлом созвездии Святских республик наша любимая, наша родная, кровь наша, гордость наша, радость наша — Советская Украина.

В ЛЕНИНГРАДЕ ОТКРЫЛСЯ НОВЫЙ ТЕАТР

ЛЕНИНГРАД (От наш. морр.). Управление по делам искусств при Исполкоме Ленинграда организовало в помещении бывшего театра «Комедия» стационарную площадку для показа драматических, оперных и балетных спектаклей.

Открытием «Русские люди» в постановке В. Мордихана, И. Горина и И. Золне здесь начала работу драматическая труппа театра, в которую вошли народный артист РСФСР В. Горин-Горайнов, заслуженные артисты М. Довженко, В. Стрельникова, М. Павлюк, В. Студенцов и другие. Следующая работа — над пьесой Корнейчука «Фронт» (постановщик — В. Мордихан).

В ноябре оперой Чайковского «Евгений Онегин» (режиссер В. Студенцов) начнутся спектакли оперной труппы. В ее составе — заслуженные артисты П. Болотин, Н. Вельдер, В. Легок, И. Печев и др. Спектакли балетной труппы, которую возглавляет заслуженная артистка О. Иордан, откроются показом «Эсмеральда».

Декада «Искусство Урала»

СВЕРДЛОВСКОЕ. (По телеграфу от наш. морр.). В концертном зале Свердловской государственной филармонии состоялся 9 ноября торжественное собрание работников искусства, писателей, интеллигенции совместно с представителями общественных и советских организаций Свердловска и частей Красной Армии, посвященное 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и открытию декады «Искусство Урала».

С докладом «Искусство и отечественная война» выступил секретарь Обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации т. Пустовалов. Подняла тему развития науки и искусства за 25 лет, т. Пустовалов уделит особое внимание роли Урала в огромной творческой работе, которая ведется работниками искусства в наши героические дни. Участники собрания обратились к присутствующим в товарищу Сталину.

Собрание закончилось большим концертом, в котором выступили Государственный симфонический оркестр СССР (директор Н. Рахлин), оркестр и хор студии Свердловской филармонии (директор Цейфель). Были исполнены кантата композитора Фролова «С именем Сталина» для оркестра, хора и солистов и симфоническая поэма Траубицкого «Капитан Гастелло».

ВЫСТАВКА ЛЕНИНГРАДСКИХ ХУДОЖНИКОВ ПРИОБРЕТЕНА ГОСУДАРСТВОМ

Решением Совнаркома РСФСР все экспонаты «Выставки работ ленинградских художников в дни великой отечественной войны», развернутой недавно в Москве в залах Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина, приобретены в государственные фонд и целиком переданы Государственному русскому музею в Ленинграде.

Альбом русского искусства

К 25-летию Октября Государственная Третьяковская галерея выпустила альбом, посвященный лучшим произведениям русского искусства.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНИКИ МОСКВЫ И ТУЛЫ, ОДЕССЫ И СЕВАСТОПОЛЯ, ЛЕНИНГРАДА И СТАЛИНГРАДА ПОКАЗАЛИ ОБРАЗЦЫ БЕЗЗАВЕТНОЙ ХРАБРОСТИ, ЖЕЛЕЗНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ, СТОЙКОСТИ И УМЕНИЯ ПОБЕЖДАТЬ. ПО ЭТИМ ГЕРОЯМ РАВНЯЕТСЯ ВСЯ НАША КРАСНАЯ АРМИЯ (СТАЛИН)

Евг. КРИТЕР

В Сталинграде

Этот ноябрьский день, прекрасный, суровый и трудный, день предшествовал и день боя, поднялся и над Сталинградом. Попробежало только к утру затишье работы на переправе, и пробитые снарядами баржи, барказы, дощатые рыбацкие лодки, буксиры с проломанными бортами и продрывленной осколками палубой прижались к берегу, укрываясь от немцев, и затрости влились за молотки — заделывать пробоины, заглаживать дыры, готовиться к ночи. Попробежало с расцветом зевания над городом и над Волгой немецкие бомбардировщики, протяжный крик «во-о-о-о!» привычно отзывался в ушах, не трогая никого, не задевая здания, — терять одерживали, чувствительности ватаги вдувать, суровый и тревожный улетел полыхая, далеко в небо, близко улетел бомба, и люди работы не прерывали. Попробежало в подвалах и в проломанных домах, в грудках битого кирпича, в восточных трубах, в успешных еще в подвалах — вонду, куда может просунуться человек с винтовкой, с гранатой, бойцы ждут начала немецкой атаки. Люди вросли в камень, смелись с городом в одно целое, и камни города стали живыми. В них слышны шорохи, человеческое дыхание, стук закладываемых обоев. Где будет атака? Как в прошлую ночь, как вчера, как месяц назад, камни города готовятся к бою. Когда снаряд попадает в стену, из камня сочится кровь. Если человек остается живым, он продолжает стрелять. Нет уже многих улиц, многих домов, но есть русская оборона, советский Сталинград.

Де бы мы ни были, в тепле или в холоде, в освещенных праздничных залах или в землянках, на фронте или в глубине тыла, — мы помним о нем, о городе нашей стойкости, городе нашей славы. Четверть века прошло с тех пор, как Россия стала советской. В Сталинграде, как и всюду на фронте, ядро армии, ядро обороны составляют люди, воспитанные революцией, подвигом партии и народа. Они помнят железные почт. Трактора, танки, магнитки, Кузнецки, бурны в степи, ледяной ветер, от которого дышанье застыло во рту и кожа трескалась на руках и губах, оркестры, игравшие марши в бунаре, труд комсомольцев-белоглазых, стариков-артиллеристов, главных бегов днем и ночью, чтобы выходы были построены к сроку на Волге, на Урале, в Сибирь, чтобы как можно скорее бых выломал, пробил, расчистил выходы из мгаы, нищеты и духовного и физического рабства николаевской империи, выходы в будущее для освобожденной энергии народа. Четверть века, начатая залпом «Апроры», отложившаяся в сердцах и в сознании миллионов людей силой, которая стала теперь силой залпного фронта, силой Сталинграда.

Сталинград — город нашей молодости. Молодые заводцы, молодые солды на землях Борной Волги, новые школы и институты, новые улицы. Я видел вношей и стариков, плававших при виде горящего города, в котором многое создано их руками. Дорого выпалали немцы за эти стены — дивизиями мертвецов, армадой танков, пробитой броней, и безделью немецких солдат, сходящих с ума при столкновении с русской стойкостью Сталинграда. Много степных дорог ведут к городу на территории, ваятой немцами; третья часть Гитлер поит по этим дорогам войска, машины, снаряды, резервы, чудовищный груз наступления, а у нас — одна переправа, путь к городу через воду, в дыму, под бомбами и снарядами, под пулеметным огнем. Одна русская переправа стоит многих немецких дорог, — город держится, но выдвинутой верьва-

ми реке к месту пробиваются волжские баржи и лодки с боеприпасами, люди на берегу выстраиваются в цепь, в реве, в грохоте бомбардировок перебрасывают с рук на руки мины, снаряды, с рук на руки до самой линии боя, где люди срываются в камень, и камень стал тверже, ломает и гнет зубья немецкой военной машины.

Сталинград показал всему миру, что значит четверть советского века. Когда немцы внезапно появились под городом, рабочие сели в танки, только что сделанные их же руками, и бросились в бой. Женщины пришли в полуразрушенные цеха заводов и стали ремонтировать пушки, они сами тащили их на отведенные позиции к артиллеристам. Зенитчики, охранявшие мирный город от налетаев, орудия, орудия, залпанные в небо стволы орудий и стали стрелять по немецким танкам. Героический Сталинград, с помощью переброшенные с другого участка, пошли в контратаку прямо с переправы, выломали, ротами вышибали с высот пелые полки немцев, суровым штурмом отбили улицы и дома, которые немцам удалось захватить после варварской бомбардировки с воздуха и авиационных танковых атак. Немцы подошли к городу силой целого фронта. Русские их остановили в первые дни единичными ротами и полками.

Оборона в Сталинграде труднее, чем где бы то ни было. С точки зрения военной теории, она почти невозможна в создавшейся обстановке. У немцев — дороги, у них свободные территории для маневра. Оборона залпана в каменную тесоту домов. Удержаться в таких условиях — значит совершить чудо, которому удивляются мир. Наши люди не помнили о чуде, они просто держали, как мы подсказывали честь и совесть советского человека. И невозможное осуществилось — третий месяц ли на минуту не вытаскивая битва, каждый день с восходом солнца немцы возобновляли штурм, они пропитаны запахом собственной смерти, трупов тысяч и тысяч убитых солдат, тяжким казачинским запахом военной неудачи, а Сталинград — все еще пахнет, в запахах рухнувших. Вот сила нашей четверти века, революционной силы народа.

Мы много трудились, чтобы сделать жизнь лучше, и вояжили уже радостью удовлетворения ослепленным, но артиллерийский салют на Красной площади на год в год резко и провозглашающим нам в ликованиях правды, что мы живем в мире, где возможно такое уродство, как фашизм. И мы готовы были к бою, и когда неожиданно жестокая война внезапно и подло ворвалась в наш мир и труд, то немцы столкнулись с такой силой отпора, с такой стойкостью, которые могут быть только у народа, живущего на планете четверть века настоящей свободы, творчества, возрождения.

Традиционный артиллерийский салют

Кадр из Союзкиножурнала № 70-77. Съемки операторов Д. Ибрагимова, Г. Островского, Б. Орлинского и В. Шадрова.

Каждый, кто был в эти месяцы в Сталинграде, оставил там часть своего сердца.

На пути в Сталинград и обратно возвращавшегося оттуда Константина Симоню. На фронте он с первого дня войны, но никогда до тех пор я не видел его таким углубленно-сосредоточенным, молчаливым, невнимательным к тому, что происходило и говорилось вокруг. Потом мы поняли причину его отчужденности, которая вначале показалась обидной. Внутренним напряжением, мыслями, памятью он был еще там, в Сталинграде. Виденное на переправе, на Волге, в районе заводов как будто обожгло его и оставило след навсегда. Как и все мы, он, видимо, думал тогда, какими способами расквасить о людях каменную оборону. Нет еще слов, равноценных подвигу Сталинграда. Их нужно найти. После разгрома самого города их видел Василий Гроссман. Он вернулся с участка, где чудом держалась гвардейская часть. Несколько дней писал и, когда закончил последнюю страницу для «Красной звезды», он задумался, помогать и вдруг сказал очень решительно:

— Нет, трудно быть в отороге. Нужно вернуться, обязательно нужно вернуться туда. Поедем, товарищи.

Там, в огне обороны, советский писатель хотел найти слова такие же сильные, простые и прочные, как дело бойцов, защищающих русский город на Волге. Это — наш долг.

В какой правды и все думал, как проведет этот день там, на Волге. Пожарный полковничий лектор в очках пошел к переправе, к волгари, сидящему возле лодки с законопаченными дырами от осколков, и, пригнувшись при свете снарядов, переждал, когда ухнет и разорвется где-то повзд, — перелет, — сказал:

— Давай, старина, пока яв с тобой не накрыли.

— Ишь ты, — сказал лодочник. — Неужто туда? Это днем-то?

— Туда. Да, мне не впервой. Садись, а я отложу.

И они поплыли на лодке через реку, в дыму, поплыли не прямо, а зигзагами, и тем, кто не видел Сталинграда, в этот момент, эта поездка человека в очках покажется странной, как если бы он ехал читать лекцию не в город, а в кратер вулкана. Лодка причалила к берегу, зарытому воронками, лектор, слегка вгнув голову в плечи, перебежит открытое место от воды до склона прибрежного холма и спрячется в землянку. С наступлением темноты он поинтересуется глянубуд в сыром и холодном подвале, у входа в который стоит пулемет, возле него соберутся люди в шинелях, бойцы Сталинграда, и пока не будет сигнала о выходе в бой, здесь начнется беседа. Зажгут свечи, рассадятся на полу. Лектор откашляется и скажет:

— Товарищи...

— Погорим, — крикнет ему. — На волге бьются огонь, не слышно.

— Товарищи, — скажет лектор более громко, — двадцать пять лет тому назад...

Так день, прекрасный, суровый и трудный день предшествовал и день боя поднялся и над Сталинградом.

Каждый, кто был в эти месяцы в Сталинграде, оставил там часть своего сердца.

На пути в Сталинград и обратно возвращавшегося оттуда Константина Симоню. На фронте он с первого дня войны, но никогда до тех пор я не видел его таким углубленно-сосредоточенным, молчаливым, невнимательным к тому, что происходило и говорилось вокруг. Потом мы поняли причину его отчужденности, которая вначале показалась обидной. Внутренним напряжением, мыслями, памятью он был еще там, в Сталинграде. Виденное на переправе, на Волге, в районе заводов как будто обожгло его и оставило след навсегда. Как и все мы, он, видимо, думал тогда, какими способами расквасить о людях каменную оборону. Нет еще слов, равноценных подвигу Сталинграда. Их нужно найти. После разгрома самого города их видел Василий Гроссман. Он вернулся с участка, где чудом держалась гвардейская часть. Несколько дней писал и, когда закончил последнюю страницу для «Красной звезды», он задумался, помогать и вдруг сказал очень решительно:

— Нет, трудно быть в отороге. Нужно вернуться, обязательно нужно вернуться туда. Поедем, товарищи.

Там, в огне обороны, советский писатель хотел найти слова такие же сильные, простые и прочные, как дело бойцов, защищающих русский город на Волге. Это — наш долг.

В какой правды и все думал, как проведет этот день там, на Волге. Пожарный полковничий лектор в очках пошел к переправе, к волгари, сидящему возле лодки с законопаченными дырами от осколков, и, пригнувшись при свете снарядов, переждал, когда ухнет и разорвется где-то повзд, — перелет, — сказал:

— Давай, старина, пока яв с тобой не накрыли.

— Ишь ты, — сказал лодочник. — Неужто туда? Это днем-то?

— Туда. Да, мне не впервой. Садись, а я отложу.

И они поплыли на лодке через реку, в дыму, поплыли не прямо, а зигзагами, и тем, кто не видел Сталинграда, в этот момент, эта поездка человека в очках покажется странной, как если бы он ехал читать лекцию не в город, а в кратер вулкана. Лодка причалила к берегу, зарытому воронками, лектор, слегка вгнув голову в плечи, перебежит открытое место от воды до склона прибрежного холма и спрячется в землянку. С наступлением темноты он поинтересуется глянубуд в сыром и холодном подвале, у входа в который стоит пулемет, возле него соберутся люди в шинелях, бойцы Сталинграда, и пока не будет сигнала о выходе в бой, здесь начнется беседа. Зажгут свечи, рассадятся на полу. Лектор откашляется и скажет:

— Товарищи...

— Погорим, — крикнет ему. — На волге бьются огонь, не слышно.

— Товарищи, — скажет лектор более громко, — двадцать пять лет тому назад...

Так день, прекрасный, суровый и трудный день предшествовал и день боя поднялся и над Сталинградом.

Каждый, кто был в эти месяцы в Сталинграде, оставил там часть своего сердца.

На пути в Сталинград и обратно возвращавшегося оттуда Константина Симоню. На фронте он с первого дня войны, но никогда до тех пор я не видел его таким углубленно-сосредоточенным, молчаливым, невнимательным к тому, что происходило и говорилось вокруг. Потом мы поняли причину его отчужденности, которая вначале показалась обидной. Внутренним напряжением, мыслями, памятью он был еще там, в Сталинграде. Виденное на переправе, на Волге, в районе заводов как будто обожгло его и оставило след навсегда. Как и все мы, он, видимо, думал тогда, какими способами расквасить о людях каменную оборону. Нет еще слов, равноценных подвигу Сталинграда. Их нужно найти. После разгрома самого города их видел Василий Гроссман. Он вернулся с участка, где чудом держалась гвардейская часть. Несколько дней писал и, когда закончил последнюю страницу для «Красной звезды», он задумался, помогать и вдруг сказал очень решительно:

— Нет, трудно быть в отороге. Нужно вернуться, обязательно нужно вернуться туда. Поедем, товарищи.

Там, в огне обороны, советский писатель хотел найти слова такие же сильные, простые и прочные, как дело бойцов, защищающих русский город на Волге. Это — наш долг.

В какой правды и все думал, как проведет этот день там, на Волге. Пожарный полковничий лектор в очках пошел к переправе, к волгари, сидящему возле лодки с законопаченными дырами от осколков, и, пригнувшись при свете снарядов, переждал, когда ухнет и разорвется где-то повзд, — перелет, — сказал:

— Давай, старина, пока яв с тобой не накрыли.

— Ишь ты, — сказал лодочник. — Неужто туда? Это днем-то?

— Туда. Да, мне не впервой. Садись, а я отложу.

И они поплыли на лодке через реку, в дыму, поплыли не прямо, а зигзагами, и тем, кто не видел Сталинграда, в этот момент, эта поездка человека в очках покажется странной, как если бы он ехал читать лекцию не в город, а в кратер вулкана. Лодка причалила к берегу, зарытому воронками, лектор, слегка вгнув голову в плечи, перебежит открытое место от воды до склона прибрежного холма и спрячется в землянку. С наступлением темноты он поинтересуется глянубуд в сыром и холодном подвале, у входа в который стоит пулемет, возле него соберутся люди в шинелях, бойцы Сталинграда, и пока не будет сигнала о выходе в бой, здесь начнется беседа. Зажгут свечи, рассадятся на полу. Лектор откашляется и скажет:

— Товарищи...

— Погорим, — крикнет ему. — На волге бьются огонь, не слышно.

— Товарищи, — скажет лектор более громко, — двадцать пять лет тому назад...

Так день, прекрасный, суровый и трудный день предшествовал и день боя поднялся и над Сталинградом.

Каждый, кто был в эти месяцы в Сталинграде, оставил там часть своего сердца.

На пути в Сталинград и обратно возвращавшегося оттуда Константина Симоню. На фронте он с первого дня войны, но никогда до тех пор я не видел его таким углубленно-сосредоточенным, молчаливым, невнимательным к тому, что происходило и говорилось вокруг. Потом мы поняли причину его отчужденности, которая вначале показалась обидной. Внутренним напряжением, мыслями, памятью он был еще там, в Сталинграде. Виденное на переправе, на Волге, в районе заводов как будто обожгло его и оставило след навсегда. Как и все мы, он, видимо, думал тогда, какими способами расквасить о людях каменную оборону. Нет еще слов, равноценных подвигу Сталинграда. Их нужно найти. После разгрома самого города их видел Василий Гроссман. Он вернулся с участка, где чудом держалась гвардейская часть. Несколько дней писал и, когда закончил последнюю страницу для «Красной звезды», он задумался, помогать и вдруг сказал очень решительно:

— Нет, трудно быть в отороге. Нужно вернуться, обязательно нужно вернуться туда. Поедем, товарищи.

Там, в огне обороны, советский писатель хотел найти слова такие же сильные, простые и прочные, как дело бойцов, защищающих русский город на Волге. Это — наш долг.

В какой правды и все думал, как проведет этот день там, на Волге. Пожарный полковничий лектор в очках пошел к переправе, к волгари, сидящему возле лодки с законопаченными дырами от осколков, и, пригнувшись при свете снарядов, переждал, когда ухнет и разорвется где-то повзд, — перелет, — сказал:

— Давай, старина, пока яв с тобой не накрыли.

— Ишь ты, — сказал лодочник. — Неужто туда? Это днем-то?

— Туда. Да, мне не впервой. Садись, а я отложу.

И они поплыли на лодке через реку, в дыму, поплыли не прямо, а зигзагами, и тем, кто не видел Сталинграда, в этот момент, эта поездка человека в очках покажется странной, как если бы он ехал читать лекцию не в город, а в кратер вулкана. Лодка причалила к берегу, зарытому воронками, лектор, слегка вгнув голову в плечи, перебежит открытое место от воды до склона прибрежного холма и спрячется в землянку. С наступлением темноты он поинтересуется глянубуд в сыром и холодном подвале, у входа в который стоит пулемет, возле него соберутся люди в шинелях, бойцы Сталинграда, и пока не будет сигнала о выходе в бой, здесь начнется беседа. Зажгут свечи, рассадятся на полу. Лектор откашляется и скажет:

— Товарищи...

— Погорим, — крикнет ему. — На волге бьются огонь, не слышно.

— Товарищи, — скажет лектор более громко, — двадцать пять лет тому назад...

Так день, прекрасный, суровый и трудный день предшествовал и день боя поднялся и над Сталинградом.

Каждый, кто был в эти месяцы в Сталинграде, оставил там часть своего сердца.

На пути в Сталинград и обратно возвращавшегося оттуда Константина Симоню. На фронте он с первого дня войны, но никогда до тех пор я не видел его таким углубленно-сосредоточенным, молчаливым, невнимательным к тому, что происходило и говорилось вокруг. Потом мы поняли причину его отчужденности, которая вначале показалась обидной. Внутренним напряжением, мыслями, памятью он был еще там, в Сталинграде. Виденное на переправе, на Волге, в районе заводов как будто обожгло его и оставило след навсегда. Как и все мы, он, видимо, думал тогда, какими способами расквасить о людях каменную оборону. Нет еще слов, равноценных подвигу Сталинграда. Их нужно найти. После разгрома самого города их видел Василий Гроссман. Он вернулся с участка, где чудом держалась гвардейская часть. Несколько дней писал и, когда закончил последнюю страницу для «Красной звезды», он задумался, помогать и вдруг сказал очень решительно:

— Нет, трудно быть в отороге. Нужно вернуться, обязательно нужно вернуться туда. Поедем, товарищи.

Там, в огне обороны, советский писатель хотел найти слова такие же сильные, простые и прочные, как дело бойцов, защищающих русский город на Волге. Это — наш долг.

В какой правды и все думал, как проведет этот день там, на Волге. Пожарный полковничий лектор в очках пошел к переправе, к волгари, сидящему возле лодки с законопаченными дырами от осколков, и, пригнувшись при свете снарядов, переждал, когда ухнет и разорвется где-то повзд, — перелет, — сказал:

— Давай, старина, пока яв с тобой не накрыли.

— Ишь ты, — сказал лодочник. — Неужто туда? Это днем-то?

— Туда. Да, мне не впервой. Садись, а я отложу.

И они поплыли на лодке через реку, в дыму, поплыли не прямо, а зигзагами, и тем, кто не видел Сталинграда, в этот момент, эта поездка человека в очках покажется странной, как если бы он ехал читать лекцию не в город, а в кратер вулкана. Лодка причалила к берегу, зарытому воронками, лектор, слегка вгнув голову в плечи, перебежит открытое место от воды до склона прибрежного холма и спрячется в землянку. С наступлением темноты он поинтересуется глянубуд в сыром и холодном подвале, у входа в который стоит пулемет, возле него соберутся люди в шинелях, бойцы Сталинграда, и пока не будет сигнала о выходе в бой, здесь начнется беседа. Зажгут свечи, рассадятся на полу. Лектор откашляется и скажет:

— Товарищи...

— Погорим, — крикнет ему. — На волге бьются огонь, не слышно.

— Товарищи, — скажет лектор более громко, — двадцать пять лет тому назад...

Так день, прекрасный, суровый и трудный день предшествовал и день боя поднялся и над Сталинградом.

Каждый, кто был в эти месяцы в Сталинграде, оставил там часть своего сердца.

На пути в Сталинград и обратно возвращавшегося оттуда Константина Симоню. На фронте он с первого дня войны, но никогда до тех пор я не видел его таким углубленно-сосредоточенным, молчаливым, невнимательным к тому, что происходило и говорилось вокруг. Потом мы поняли причину его отчужденности, которая вначале показалась обидной. Внутренним напряжением, мыслями, памятью он был еще там, в Сталинграде. Виденное на переправе, на Волге, в районе заводов как будто обожгло его и оставило след навсегда. Как и все мы, он, видимо, думал тогда, какими способами расквасить о людях каменную оборону. Нет еще слов, равноценных подвигу Сталинграда. Их нужно найти. После разгрома самого города их видел Василий Гроссман. Он вернулся с участка, где чудом держалась гвардейская часть. Несколько дней писал и, когда закончил последнюю страницу для «Красной звезды», он задумался, помогать и вдруг сказал очень решительно:

— Нет, трудно быть в отороге. Нужно вернуться, обязательно нужно вернуться туда. Поедем, товарищи.

Там, в огне обороны, советский писатель хотел найти слова такие же сильные, простые и прочные, как дело бойцов, защищающих русский город на Волге. Это — наш долг.

В какой правды и все думал, как проведет этот день там, на Волге. Пожарный полковничий лектор в очках пошел к переправе, к волгари, сидящему возле лодки с законопаченными дырами от осколков, и, пригнувшись при свете снарядов, переждал, когда ухнет и разорвется где-то повзд, — перелет, — сказал:

— Давай, старина, пока яв с тобой не накрыли.

— Ишь ты, — сказал лодочник. — Неужто туда? Это днем-то?

— Туда. Да, мне не впервой. Садись, а я отложу.

И они поплыли на лодке через реку, в дыму, поплыли не прямо, а зигзагами, и тем, кто не видел Сталинграда, в этот момент, эта поездка человека в очках покажется странной, как если бы он ехал читать лекцию не в город, а в кратер вулкана. Лодка причалила к берегу, зарытому воронками, лектор, слегка вгнув голову в плечи, перебежит открытое место от воды до склона прибрежного холма и спрячется в землянку. С наступлением темноты он поинтересуется глянубуд в сыром и холодном подвале, у входа в который стоит пулемет, возле него соберутся люди в шинелях, бойцы Сталинграда, и пока не будет сигнала о выходе в бой, здесь начнется беседа. Зажгут свечи, рассадятся на полу. Лектор откашляется и скажет:

— Товарищи...

— Погорим, — крикнет ему. — На волге бьются огонь, не слышно.

— Товарищи, — скажет лектор более громко, — двадцать пять лет тому назад...

Так день, прекрасный, суровый и трудный день предшествовал и день боя поднялся и над Сталинградом.

Каждый, кто был в эти месяцы в Сталинграде, оставил там часть своего сердца.

На пути в Сталинград и обратно возвращавшегося оттуда Константина Симоню. На фронте он с первого дня войны, но никогда до тех пор я не видел его таким углубленно-сосредоточенным, молчаливым, невнимательным к тому, что происходило и говорилось вокруг. Потом мы поняли причину его отчужденности, которая вначале показалась обидной. Внутренним напряжением, мыслями, памятью он был еще там, в Сталинграде. Виденное на переправе, на Волге, в районе заводов как будто обожгло его и оставило след навсегда. Как и все мы, он, видимо, думал тогда, какими способами расквасить о людях каменную оборону. Нет еще слов, равноценных подвигу Сталинграда. Их нужно найти. После разгрома самого города их видел Василий Гроссман. Он вернулся с участка, где чудом держалась гвардейская часть. Несколько дней писал и, когда закончил последнюю страницу для «Красной звезды», он задумался, помогать и вдруг сказал очень решительно:

— Нет, трудно быть в отороге. Нужно вернуться, обязательно нужно вернуться туда. Поедем, товарищи.

Там, в огне обороны, советский писатель хотел найти слова такие же сильные, простые и прочные, как дело бойцов, защищающих русский город на Волге. Это — наш долг.

В какой правды и все думал, как проведет этот день там, на Волге. Пожарный полковничий лектор в очках пошел к переправе, к волгари, сидящему возле лодки с законопаченными дырами от осколков, и, пригнувшись при свете снарядов, переждал, когда ухнет и разорвется где-то повзд, — перелет, — сказал:

— Давай, старина, пока яв с тобой не накрыли.

— Ишь ты, — сказал лодочник. — Неужто туда? Это днем-то?

— Туда. Да, мне не впервой. Садись, а я отложу.

И они поплыли на лодке через реку, в дыму, поплыли не прямо, а зигзагами, и тем, кто не видел Сталинграда, в этот момент, эта поездка человека в очках покажется странной, как если бы он ехал читать лекцию не в город, а в кратер вулкана. Лодка причалила к берегу, зарытому воронками, лектор, слегка вгнув голову в плечи, перебежит открытое место от воды до склона прибрежного холма и спрячется в землянку. С наступлением темноты он поинтересуется глянубуд в сыром и холодном подвале, у входа в который стоит пулемет, возле него соберутся люди в шинелях, бойцы Сталинграда, и пока не будет сигнала о выходе в бой, здесь начнется беседа. Зажгут свечи, рассадятся на полу. Лектор откашляется и скажет:

— Товарищи...

— Погорим, — крикнет ему. — На волге бьются огонь, не слышно.

— Товарищи, — скажет лектор более громко, — двадцать пять лет тому назад...

Так день, прекрасный, суровый и трудный день предшествовал и день боя поднялся и над Сталинградом.

Каждый, кто был в эти месяцы в Сталинграде, оставил там часть своего сердца.

На пути в Сталинград и обратно возвращавшегося оттуда Константина Симоню. На фронте он с первого дня войны, но никогда до тех пор я не видел его таким углубленно-сосредоточенным, молчаливым, невнимательным к тому, что происходило и говорилось вокруг. Потом мы поняли причину его отчужденности, которая вначале показалась обидной. Внутренним напряжением, мыслями, памятью он был еще там, в Сталинграде. Виденное на переправе, на Волге, в районе заводов как будто обожгло его и оставило след навсегда. Как и все мы, он, видимо, думал тогда, какими способами расквасить о людях каменную оборону. Нет еще слов, равноценных подвигу Сталинграда. Их нужно найти. После разгрома самого города их видел Василий Гроссман. Он вернулся с участка, где чудом держалась гвардейская часть. Несколько дней писал и, когда закончил последнюю страницу для «Красной звезды», он задумался, помогать и вдруг сказал очень решительно:

— Нет, трудно быть в отороге. Нужно вернуться, обязательно нужно вернуться туда. Поедем, товарищи.

Там, в огне обороны, советский писатель хотел найти слова такие же сильные, простые и прочные, как дело бойцов, защищающих русский город на Волге. Это — наш долг.

В какой правды и все думал, как проведет этот день там, на Волге. Пожарный полковничий лектор в очках пошел к переправе, к волгари, сидящему возле лодки с законопаченными дырами от осколков, и, пригнувшись при свете снарядов, переждал, когда ухнет и разорвется где-то повзд, — перелет, — сказал:

— Давай, старина, пока яв с тобой не накрыли.

— Ишь ты, — сказал лодочник. — Неужто туда? Это днем-то?

— Туда. Да, мне не впервой. Садись, а я отложу.

И они поплыли на лодке через реку, в дыму, поплыли не прямо, а зигзагами, и тем, кто не видел Сталинграда, в этот момент, эта поездка человека в очках покажется странной, как если бы он ехал читать лекцию не в город, а в кратер вулкана. Лодка причалила к берегу, зарытому воронками, лектор, слегка вгнув голову в плечи, перебежит открытое место от воды до склона прибрежного холма и спрячется в землянку. С наступлением темноты он поинтересуется глянубуд в сыром и холодном подвале, у входа в который стоит пулемет, возле него соберутся люди в шинелях, бойцы Сталинграда, и пока не будет сигнала о выходе в бой, здесь начнется беседа. Зажгут свечи, рассадятся на полу. Лектор откашляется и скажет:

— Товарищи...

— Погорим, — крикнет ему. — На волге бьются огонь, не слышно.

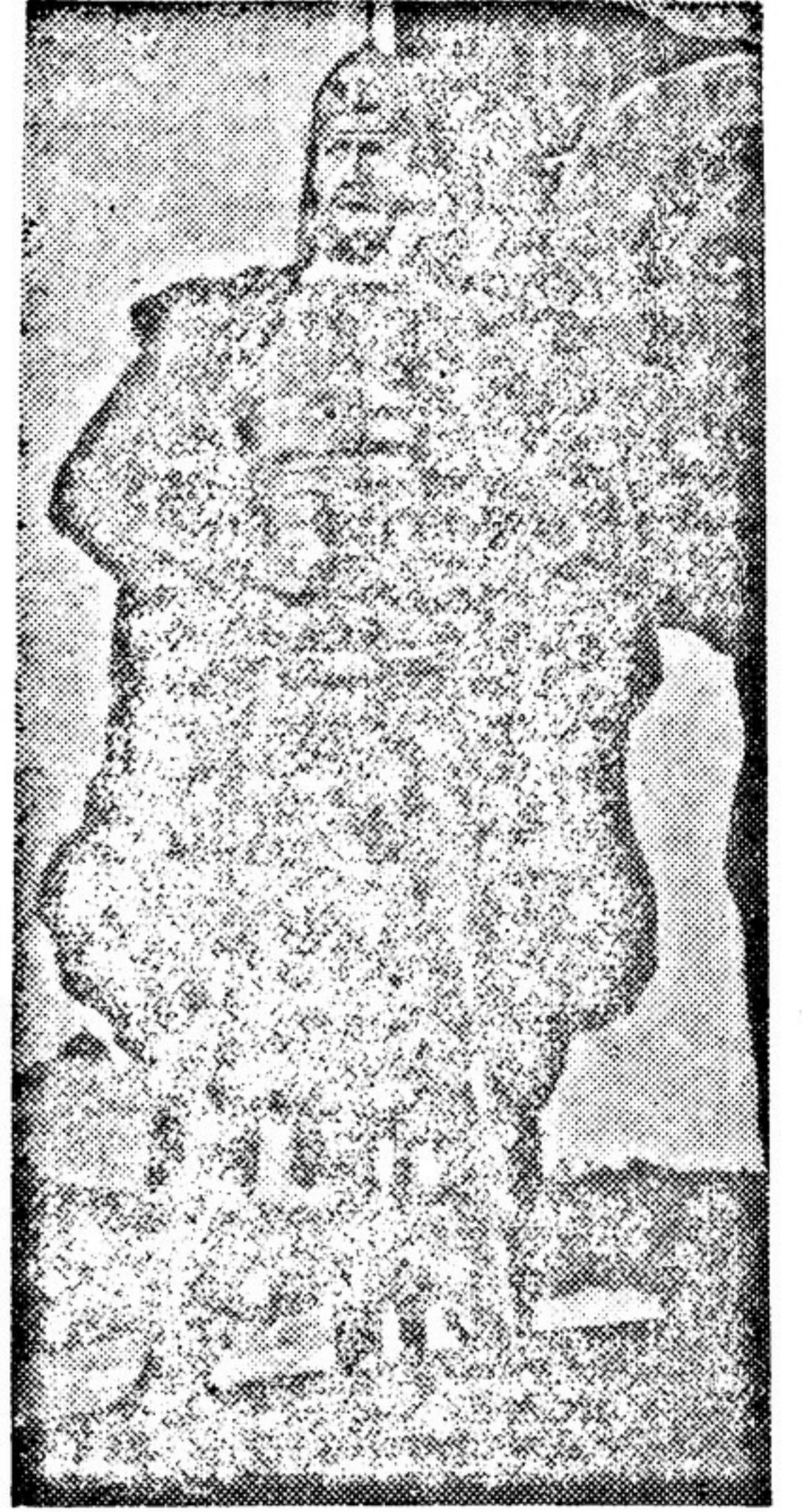
— Товарищи, — скажет лектор более громко, — двадцать пять лет тому назад...

Так день, прекрасный, суровый и трудный день предшествовал и день боя поднялся и над Сталинградом.

Каждый, кто был в эти месяцы в Сталинграде, оставил там часть своего сердца.

На пути в Сталинград и обратно возвращавшегося оттуда Константина Симоню. На фронте он с первого дня войны, но никогда до тех пор я не видел его таким углубленно-сосредоточенным, молчаливым, невнимательным к тому, что происходило и говорилось вокруг. Потом мы поняли причину его отчужденности, которая вначале показалась обидной. Внутренним

Художественная выставка «Великая отечественная война»

«Александр Невский»
Картина И. ИВАНОВА

А. ГЕРАСИМОВ

Всесоюзный смотр

Чувство большой и глубокой радости овладевает художника в залах Третьяковской, где развернута выставка «Великая отечественная война». Еще ни разу за все 25 лет так полно и всеобъемлюще не проявляла себя в самых различных произведениях дорогой каждому советскому художнику реалистический метод творчества. Советские художники умом, сердцем и душой познали и ощутили, что только внимательное изучение подлинной жизни людей и их дел, только органическая связь с эпохой и проникновение в нее могут привести к созданию полноценных произведений, нужных сегодня народу.

Короткие сроки, в которые создавалась выставка, открытая в залах Третьяковской галереи в день нашего великого праздника, конечно, не могли не отразиться на некоторых профессиональных сторонах нашего мастерства. Но профессиональные мелочи восполняются тем, что все произведения пронизаны подлинной правдой жизни. Особенно ярко эта правда выражена в работах ленинградских художников. Они стали свидетелями событий и участниками испытаний города Ленина. Это придает их произведениям эмоциональную силу, которая всегда была отличительным признаком большого, настоящего искусства.

После этой выставки мы можем смело сказать, что нам не страшны разлаженные тенденции формалистического искусства, которые в свое время ослабили здоровые ростки нашей молодой реалистической живописи. Теперь совершенно ясно, в это сегодня подтверждается многими произведениями выставки, что воспитанная Октябрьской эпохой советская художественная молодежь — достойный продолжатель великих традиций русского реалистического искусства.

Произведения выставки наглядно свидетельствуют о том, что советское изобразительное творчество найдет и уже находит в наше правдивое художественно-пластическое искусство, которое сохраняет для будущих поколений всю нашу ненависть к врагу, всю нашу несокрушимую веру в победу, всю нашу любовь и преданность родине, народу, великому Сталину.

В. ШКВАРИКОВ, А. ЗАМОШКИН

ИСКУССТВО НАШИХ ДНЕЙ

Открытие выставки «Великая отечественная война» — волнующее событие в художной жизни нашего народа. Прошло 17 месяцев с того дня, как программа первые выставки. Советский народ, поднявшийся на защиту своего отечества против немецких захватчиков, не только защищает великие культурные ценности своей родины, но одновременно, несмотря на трудности войны, создает новые произведения искусства.

Выставка убеждает, что за время войны окрепло и выросло дарование многих художников. Они потому и сумели создать волнующие произведения, что сами находились в гуще великих событий, пламя участников борьбы видели трудности, победы и неудачи.

Целый ряд значительных произведений создан на основе рисунков, набросков, эскизов непосредственно на передовой линии. В них органически сочетаются живые ощущения автора и объективная правда войны.

Правдивость и высокая идейность — эти основные принципы большого реалистического искусства — прочно утвердились в творчестве советских мастеров живописи и резьбы. Экспонаты выставки позволяют утверждать, что молодая советская изобразительная культура прочно унаследовала и с честью продолжает лучшие традиции русского реалистического искусства.

В эпоху войны, показавшей всему миру необычайную прочность советского строя и сплоченность советских людей вокруг великого знамени Ленина — Сталина, художники живут одной жизнью со своим народом. Монументальные бюсты Ленина и Сталина, получившие всенародное признание, выставки скульпторов С. Меркурова обращают на себя внимание портреты В. Ленина работы художника П. Васильева, а также скульптура Н. Томского «Сталин-полководец».

Оригинален по своему тонкому решению бронзовый бюст товарища Сталина работы скульптора Б. Яковлева. В картине Н. Денисовского товарищ Сталин показан во фронтальной обстановке.

Великая отечественная война с грандиозными масштабами сражений и сложнейшей военной техникой поставила перед художниками задачу: найти новые при-

Н. ВОЛКОВ

ДУХ МУЖЕСТВА

Выставку художественных произведений об отечественной войне воспринимаешь не глазами, а сердцем. Идешь по просторным залам Третьяковской галереи, и стены музея кажутся огненной линией фронта, прожженной русской землей от северных до южных морей.

Больше темы, больше людей... Забыть ли Зою, так героически закончившую свою недолгую жизнь? Забыть ли твердый взгляд капитана Гастелло, чей горящий самолет уже превратился в песню? Они здесь на выставке — эти герои среди других героев, и мастера искусства передают теперь грядущим поколениям первые впечатления лучших людей отечественной войны.

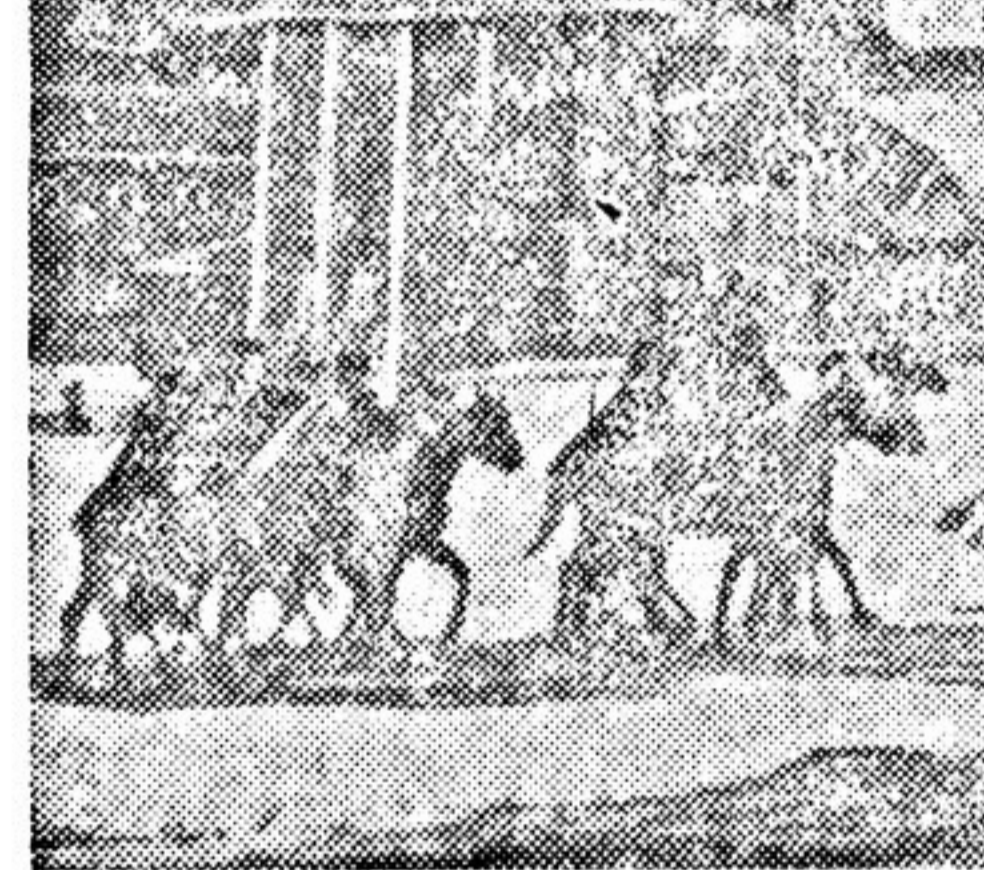
Суровой и морозной была зима 1941—42 года. Иней и стужа лежат на полях, посвященных сердцу России — Москве, разгромив немцев орда на подступах к древней столице. Вот они, знакомые и любимые улицы и площади, по которым ползут танки, движутся ряды пехоты, косят конные патрули. На больших павильонах и малых набросках — военный лик Москвы, и рядом — эпизоды тех сражений, в которых Красная Армия превозмогла врага. Морозным паром окутаны пейзажи окрестных сел и городов с разрушенными зданиями, дороги и тропы, по которым бредут жители на родное поселение. Военные трофеи ошурены белыми снегами. Над поверженной свастикой простерта черная суца русские березы.

Мы всегда любовались величественными чертами северной столицы. Сейчас стойко выдерживающие артиллерийский обстрел, они нам дорожны во сто крат. Трудились об осажденном городе. Мы видим: женщины и дети, пришедшие на Неву по воду, скорые санки с тесовыми гребнями, воздушные тревоги. Но грозно стоят военные корабли, стережущие красавицу-город, непоколебимой стеной высятся, извергающие в небо свой защитный огонь.

Несгибаемая вера в нашу победу одухотворила эти картины, которые войдут в историю мировой культуры, как глава под строгим названием: «Искусство осажденного Ленинграда».

На все другие твердыня — Севастополь. Его оборона легендарна. Но здесь на выставке есть ласковые и душевные зарисовки севастопольцев. Взгляните на эти работы, беззаботно выходящих из школы, на этих моряков, жадно читающих последние известия, на этих женщин, хладнокровно выжидающих на воздушный налет, и вы поймете, что такое сила жизни — неистребима даже там, где смерть за каждым шагом водостергает человека.

Повесть о трех городах — лишь часть огромной выставки, но куда бы ни пролетал взор художника, он везде находил черты великого народного мужества, и оттого каждый штрих карандаша, каждый мазок кисти, каждый изворот резца — это удар по врагу, это гордое сознание: выставка, победы, отомщение.

«Загорск. 1941 год»
Картина А. ДЕЙНЕКА

В картине, изображающей бой на захваченной Красной Армией, ясно ощущается стремление художника, черпающего свои впечатления на фронте, более полно передать атмосферу войны, исторически точно охарактеризовать ее героев. К таким произведениям надо отнести превосходно выполненную картину В. Яковлева «Бой под свободой Стрелецкой», павильон В. Яковлева, П. Шухмина, П. Мелькова, П. Соколова-Скама «Разгром немцев под Москвой», картины А. Девякина «Артиллерия в наступлении», В. Одинова «Борьба за огневой рубеж», «На открытой позиции», А. Бубнова «На Бородинском поле», Ф. Модорова «Бой под Калининском», работы П. Котова, А. Кулякова и батальную деревенскую группу скульптора Карданова.

Внимательные посетители выставки привлекут внимание к замыслу и выполнению павильона Д. Шмарнинова, В. Одинова и Т. Галопенко «Единение народов СССР». Идея и идейная глубина образа, простота средств выражения, героический характер всей трактовки темы — таковы черты произведений, представленных на выставке.

Другой важной особенностью выставки является то, что искусство стало тесно переплетено с жизнью. Особенно волнует работу ленинградского художника. Это не картины отвлеченного пароса, это мысли о пережитом, это гневные обличительные документы, привносящие к месту фашистским захватчикам.

Художники большого ума и сердца заглянули в самую душу города-героя. К лучшим произведениям ленинградцев надо отнести картину Я. Николаева «Защита», восходящую к этому знаменному Ленинграду. «После обстрела» В. Кутумова, «Командир партизанского отряда» В. Серова, «Партизан» И. Сербянинова, портреты героев Советского Союза работы В. Вереского, «Зенитка на набережной Невы» В. Белухи, «Во дворе» Н. Дормидонтова, «Вахта в «стационар» А. Пехомова, серия гуашей М. Бобышева.

К овальной невинности и нежности к захваченным войной картинам Г. Рязанского «Окутанты уходят из леса в рабство», Ф. Решетникова «Немецкие оккупанты в Керчи», Т. Галопенко «В рабство», «Ночи прошлые», Г. Савицкого «Народные мстители», К. Флюгенова «Картонка,

М. АЛПАТОВ

Графические циклы

Среди множества впечатлений этой выставки есть несколько таких, которые оставляют особенно глубокий след. Говоря о них, трудно остаться в границах профессиональных вопросов художественной критики. Перед нами волнующие человеческие документы, картины героизма и бедствий войны, мужества советского народа, авеста немецко-фашистских оккупантов. Вспомнилась в работе художников-фронтоников — Я. Ромаса, С. Война, К. Дорохова, И. Титкова и многих других, зритель чувствами своими переносится на передовые линии великой освободительной войны. В литографиях Г. Вереского перед ним предстает облик советского воина.

Все то, о чем постоянно читаешь в газетах, о чем слышишь от очевидцев, приобретает в графическом толковании ленинградских художников А. Пахомова и Н. Дормидонтова необычайную зрительную убедительность.

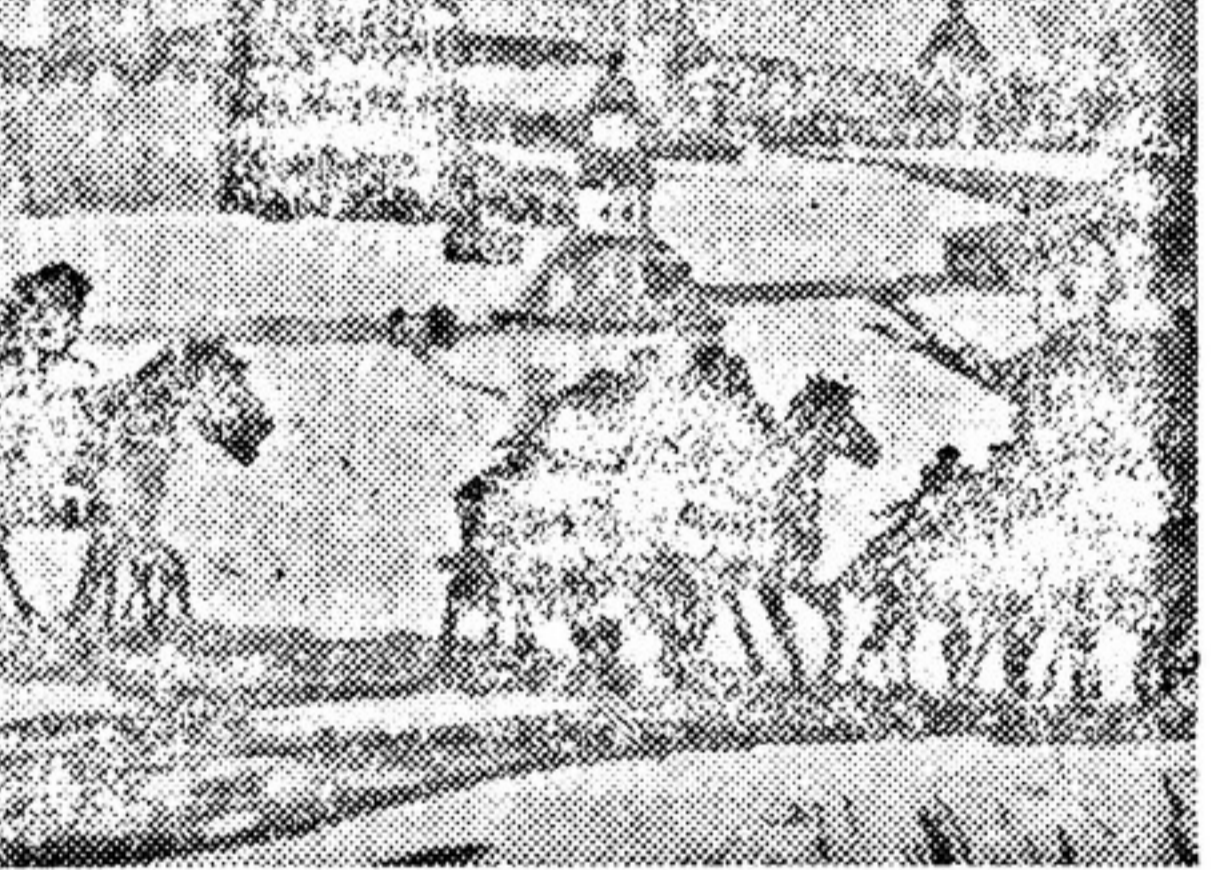
У Пахомова есть один несложный по сюжету лист: женщина с ребенком берет воду на Неве. Закутаный ребенок наливает воду, стараясь, чтобы не пролилось ни капли ее, женщина на минуту отвела глаза от ребенка, но во взгляде ее сказано все: и тревога матери, и пережитые горе, и суровая собранность — источник подлинного героизма. Эти ленинградские листы Пахомова волнуют той же проникновенностью, что и ленинградские стихи С. Славского.

Характерная особенность и новая черта нашей графики, — создание больших, обобщенных общей темой циклов рисунков. С этой точки зрения интересны серия севастопольских зарисовок Я. Соффертиса и свиста Д. Шмарнинова «Не забудем, не простим».

У Шмарнинова же найти тех страстных ноток, которые звучат в «Несчастных войнах» Гойя. Он рассказывает свою эпопею спокойно, с эстетической сдержанностью. Ему чужд заостренный язык символической недоговоренности Дюмье. Может быть, некоторые упрекут его за излишнюю обстоятельность рассказа, найдут слишком весомым его штрих, укажут на то, что его листы требуют сосредоточенного рассматривания, как картины. Но этот упрек нужно отвести.

Шмарнинов умеет сосредоточить многофигурную и сложную композицию на чем-то человечески значительном и важном. Посмотрите, как в сцене грабежа немецкий солдат с трудом утаскивает наспех набитый чужим добром мешок, здесь даже без оскверненного трупа на пороге дома все понятно — в одном только жесте грабителя сказано все.

Все помнят, конечно, расстрел защитников национальной свободы у Гойя. Гойя нашел незабываемое графическое выражение трагической ситуации. Шмарнинов дает сходную ситуацию, но под новым углом зрения. Стволы ружей виднеются над палачами, на первом плане высится жертва, падающая в ров, и благодаря этому новому ракурсу, зритель остро сопереживает расстрел беззащитных.

«Полтавская победа»
Картина К. ЛАШОВСКОГО

«За Москву», изображающая движущуюся в наступлении бойца-автоматчика. При всем разнообразии творческих индивидуальных особенностей, авторы этих произведений обладают многими общими чертами. Это, прежде всего, чувство нового, это — умение в конкретном выразить общее, безграничная любовь к родине и своему искусству, глубокое проникновение в тему, умение выразить язык живописи, рисунка или пластики большие идеи своего народа.

В исторические дни войны особенно полно сознаем мы неразрывную связь нашего прошлого с настоящим. И на выставке ряд художников показал в исторических произведениях русский народ в его героическом прошлом, русских полководцев и государственных деятелей в борьбе с врагами родины.

Суровый образ Александра Невского, созданный П. Курьяном, исполнен героического обаяния. Полководец, нашедший смертельное поражение помы-рыцарей, изображен художником в монументальном плане. Ленинградские художники В. Серов и Ю. Прохоров дали полотно на тему о Ледовом побоище.

Тема картины П. Соколова-Скама — триумфальное вступление Ивана Грозного, собирающего обширное русское государство, в завоеванную им Ливонскую крепость Кокегаузен. Образ Ивана-полководца, борца за землю русскую, решен мастерски и правдиво. Исторический сюжет, замечательная передовая сила характеров, выразительное изображение скупых черт русских людей, — эта картина проникнута горячим патриотизмом и верой в неодолимое могущество русского народа.

Многочисленные фронтонные рисунки и наброски А. Лаптева, П. Мелькова, Л. Соффертиса, Д. Мочальского, И. Титкова и др. представляют не только большой художе-

Г. САВИЦКИЙ

ЗРЕЛОЕ МАСТЕРСТВО

Все, что пережила наша родина в эти суровые дни, о большой силе и искренности отражено в произведениях живописи, графики и скульптуры, показанных на выставке «Великая отечественная война».

Особенно радует здесь успешное выступление ряда молодых художников, создавших вещи зрелые по мастерству и серьезным по замыслу.

В первую очередь я хочу назвать картину художника-фронтоника Я. Ромаса «Балтийские залпы». В лаконичной и простой по композиции вещи художнику удалось глубоко и правдиво передать грозную атмосферу герцога Лейтиса в ожесточенные дни ее жизни.

Отлично справился Ф. Решетников с композиционно сложной картиной «Немецкие оккупанты в Керчи, Восток».

Г. Рязанский, до сих пор известный главным образом как мастер портрета, создал сложную многофигурную композицию «В рабство».

Блестящие мастера карикатуры и юмориста, Курьянына на этот раз выступили с интересной сатирической картиной «Ганя», посвященной мужественной патриотке Зое Космодемьянской. Это золотой планет предельности композиции и правдивости мельчайших деталей.

Художник А. Платов, всегда отличавшийся самостоятельностью в выборе темы, и сейчас дал оригинальное произведение, пронизанное жизненной правдой и тонким лиризмом. Каждый из элементов его картины является неотъемлемой частью всей композиции.

Очень выразительны и живописные работы В. Мешкова, в которых прекрасно воспроизведен израненный войной русский пейзаж. Хочется отметить также серьезные живописные достоинства картины «Яблоко» А. Бубнова.

Выставка в Третьяковской галерее — яркое свидетельство творческих успехов советского изобразительного искусства в дни великой отечественной войны.

Семки открытия выставки производили операторы Т. Бузинович и С. Семезов.

Г. САВИЦКИЙ

ЗРЕЛОЕ МАСТЕРСТВО

Все, что пережила наша родина в эти суровые дни, о большой силе и искренности отражено в произведениях живописи, графики и скульптуры, показанных на выставке «Великая отечественная война».

Особенно радует здесь успешное выступление ряда молодых художников, создавших вещи зрелые по мастерству и серьезным по замыслу.

В первую очередь я хочу назвать картину художника-фронтоника Я. Ромаса «Балтийские залпы». В лаконичной и простой по композиции вещи художнику удалось глубоко и правдиво передать грозную атмосферу герцога Лейтиса в ожесточенные дни ее жизни.

Отлично справился Ф. Решетников с композиционно сложной картиной «Немецкие оккупанты в Керчи, Восток».

Г. Рязанский, до сих пор известный главным образом как мастер портрета, создал сложную многофигурную композицию «В рабство».

Блестящие мастера карикатуры и юмориста, Курьянына на этот раз выступили с интересной сатирической картиной «Ганя», посвященной мужественной патриотке Зое Космодемьянской. Это золотой планет предельности композиции и правдивости мельчайших деталей.

Художник А. Платов, всегда отличавшийся самостоятельностью в выборе темы, и сейчас дал оригинальное произведение, пронизанное жизненной правдой и тонким лиризмом. Каждый из элементов его картины является неотъемлемой частью всей композиции.

Очень выразительны и живописные работы В. Мешкова, в которых прекрасно воспроизведен израненный войной русский пейзаж. Хочется отметить также серьезные живописные достоинства картины «Яблоко» А. Бубнова.

Выставка в Третьяковской галерее — яркое свидетельство творческих успехов советского изобразительного искусства в дни великой отечественной войны.

Семки открытия выставки производили операторы Т. Бузинович и С. Семезов.

«Зоя Космодемьянская»
Скульптура М. МАНИЗЕРА

М. МАНИЗЕР

Скульптурные портреты

Значение этой выставки определяется не только и не столько количеством выставленных работ, а теми новыми качествами, которые обрела наша скульптура во время войны. События невиданной истории человечества — масштабы, героизм борьбы советского народа против фашистских захватчиков — вынуждают скульпторов в частности, художников и скульпторов в частности, Нас увлекает желание увековечить героические образы воинов, наших братьев и сестры, борцов за родину. Их беззаветное мужество, их отвага, простота и скромность отражены в лучших скульптурных портретах на выставке. Особенно удачны работы В. Мухомовой, Д. Шварца, С. Лебедевой, С. Мотряева, А. Зеленого, И. Слонова и других.

В этих произведениях мы видим стремление создать собирательный образ героя наших дней, людей, беззаветно идущих на смерть во имя своей родины. Это первые попытки монументально творчество в дни войны. Из представленных на выставке скульптурных композиций и многофигурных групп хочется отметить произведения Зеленого, Курьянова, Ракитиной, Абкумиева, Страховской, Вучетича, Янсон-Манизер, Белашовой.

Одним из лучших изображений великого Сталина несомненно являются новые работы скульпторов Н. Томского и В. Яковлева.

Можно не сомневаться, что эти творческие опыты выставки, советские скульпторы создадут новые произведения, достойные нашего героического народа.

В этих произведениях мы видим стремление создать собирательный образ героя наших дней, людей, беззаветно идущих на смерть во имя своей родины. Это первые попытки монументально творчество в дни войны. Из представленных на выставке скульптурных композиций и многофигурных групп хочется отметить произведения Зеленого, Курьянова, Ракитиной, Абкумиева, Страховской, Вучетича, Янсон-Манизер, Белашовой.

Одним из лучших изображений великого Сталина несомненно являются новые работы скульпторов Н. Томского и В. Яковлева. Можно не сомневаться, что эти творческие опыты выставки, советские скульпторы создадут новые произведения, достойные нашего героического народа.

Великая впечатляющая сила акварелей и гуашей Ф. Бочкова, Л. Лептиса, И. Бобышева и др., графиков И. Павлова, И. Соколова, П. Старонова. Среди других выделяются перлюкарские натурные рисунки А. Лаптева и серия рисунков П. Мелькова. Незабываемы обличительные карикатуры Курьянынова. По новому воспринимались на выставке поэтические пейзажи М. Нестерова, Вячеславовича-Видюхи, И. Грабаря, Н. Крымова, В. Крайнова, В. Валашова, Н. Величина, М. Курянова и В. Яковлева.

На выставке представлены также работы художников братских республик. В произведениях восточных и латвийских живописцев, актуальных по тематике, еще недостаточно преодолено влияние модернистских течений. Напротив, графики восточных художников дают убедительный и эмоциональный образ войны («Соружение баррикад под Таллином» художника Я.Пайно, «Пионерка указывает дорогу партизанам» художника А.Ино А.Ино Бах и др.).

Наше изобразительное искусство в дни войны стало более зрелым.

Выставка «Великая отечественная война» открыта в залах Третьяковской галереи. Многие картины советских художников несомненно останутся в ее собрании и будут с честью представлять здесь искусство наших дней рядом с произведениями его учителей. Они поведают грядущим поколениям о славе и доблести народа, они останутся свидетелем его мужества и творческой силы.

3 ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

3

СТАФФОРД КРИПС О СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ

Как сообщается в одном из последних номеров английского журнала «Дансинг Таймс», бывший английский посол в СССР г. Стаффорд Крипс присутствовал в Кемеровском театре на премьерном показе нового балета «Страна чудес»...

В последний раз перед отъездом из СССР я был в Кемеровском балете «Ледяное озеро» с Ленининой в главной роли. Я упоминаю об этом для того, чтобы показать, какое значение — даже в военную пору — придает советский народ культурной стороне своей жизни...

У русского балета всегда был крупный энтузиазм, но только в советскую эпоху он завоевал сердца широких масс зрителей. Пожалуй, не совсем правильно говорить в данном случае о завоевании сердец...

Вспоминаю, как я, присутствуя на одном из оперных спектаклей в Московском Большом театре, был удивлен тому обстоятельству, что весь зрительный зал разразился аплодисментами сразу же по окончании заставки, когда на сцене никого еще не было...

В течение двадцати лет Н. Д. Телешев руководит Музеем МХАТ СССР имени Горького. Президиум Союза советских писателей СССР обратился к Н. Д. Телешеву с приветствием, в котором говорится: «На протяжении всей своей творческой и славной жизни вы с честью носили звание писателя-гражданина, преданного своей родине, своему народу...»

После Великой Октябрьской социалистической революции вы широко развернули свои способности писателя-общественника. С юношеской энергией начали вы работать в советских литературных и просветительских организациях...

Ваши литературные произведения, неоднократно переиздаваемые советскими издательствами, продолжают традиции русской классической литературы, близки и дороги широким кругам советских читателей. Желаем вам долго и плодотворно работать на пользу советской литературы.

10 ноября в Художественном театре состоялось чествование Н. Д. Телешева.

Огромный интерес вызвали у москвичей афиши о первых спектаклях МХАТ СССР имени Горького. В первый же день все билеты на объявленный спектакль — пьесе А. Корнейчука «Фронт» — были проданы.

12 ноября о большим успехом в театре прошла премьера пьесы Н. Погодина «Кремлевские куранты».

18 ноября театр возобновляет постановку пьесы Горького «Враги». До конца месяца будет возобновлен спектакль «Три сестры».

Одним из отличных библиотечки покорит книгу из отличной библиотечки школы. Каждая почта приносит пакеты и письма с материалами, много друзей слали в наш городок свои советы, воспоминания, замечания. Меня глубоко взволновал тот день, когда мне перешли сразу два письма от моего учителя, заслуженной артистки РСФСР Н. А. Смирновой...

И это рождается. К читанным ранее книжкам комментариам и исследованиям — война, армия, ее люди вносили свои комментарии, как все у народа, героические, ясные и простые. Мы, сами того не замечая, жили в шекспировской атмосфере, и каждый день дарил нас шекспировскими впечатлениями.

Раненый лейтенант К. приподнялся с койки. В его глазах словно снова встала вся картина его удачной штурмовки. — Делаю еще шаг! — говорит он актерам, для которых летняя терминология давно стала своей. — Хочется еще принести пользу.

Да, мы вполне согласны с ним: использовать наземные группы фашистских войск — это значит принести пользу родине, человечеству, жизни. Мы только бы, наверное, никогда не решились определить этого такими точными и простыми словами.

Но вот наш лейтенант снова откинулся на подушки. На его лице счастливая, добрая улыбка. — Никогда не забуду этого утра. На душе было хорошо, ясно. Я веду огонь, а наверх взглянул — товарищи отстрелялись и меня охраняют. И ныряют они, дорогие, в воздухе, как чайки (маленькая пауза, лейтенант словно помогает пальцами здоровой руки выплывать более точное, более ласковое слово)... как пучки серебристые, — с радостной нежностью заканчивает он.

Мы тоже не забудем этого утра. Не быв в бою, мы познали в отраженном бой блеске глаз, в этих любовно найденных «пучках» радостное упоение боя, правым делом бою, красотой проверяемой под выстрелами боевой дружеской подлечки.

И мы поняли того раненого в первой сцене «Макбета», который, рассказывая о тельце, что выкинувшей его битве, все время находит и выразительные эпитеты, и волнующие образы — и пловцов, «когда они, схватив, теснят друг друга», и командиров, «иснувших» врага, «как зайцев белые иль воробьев орлы». Это то же восторженное упоение боем за правое дело, а не пышная цветистость литературной речи.

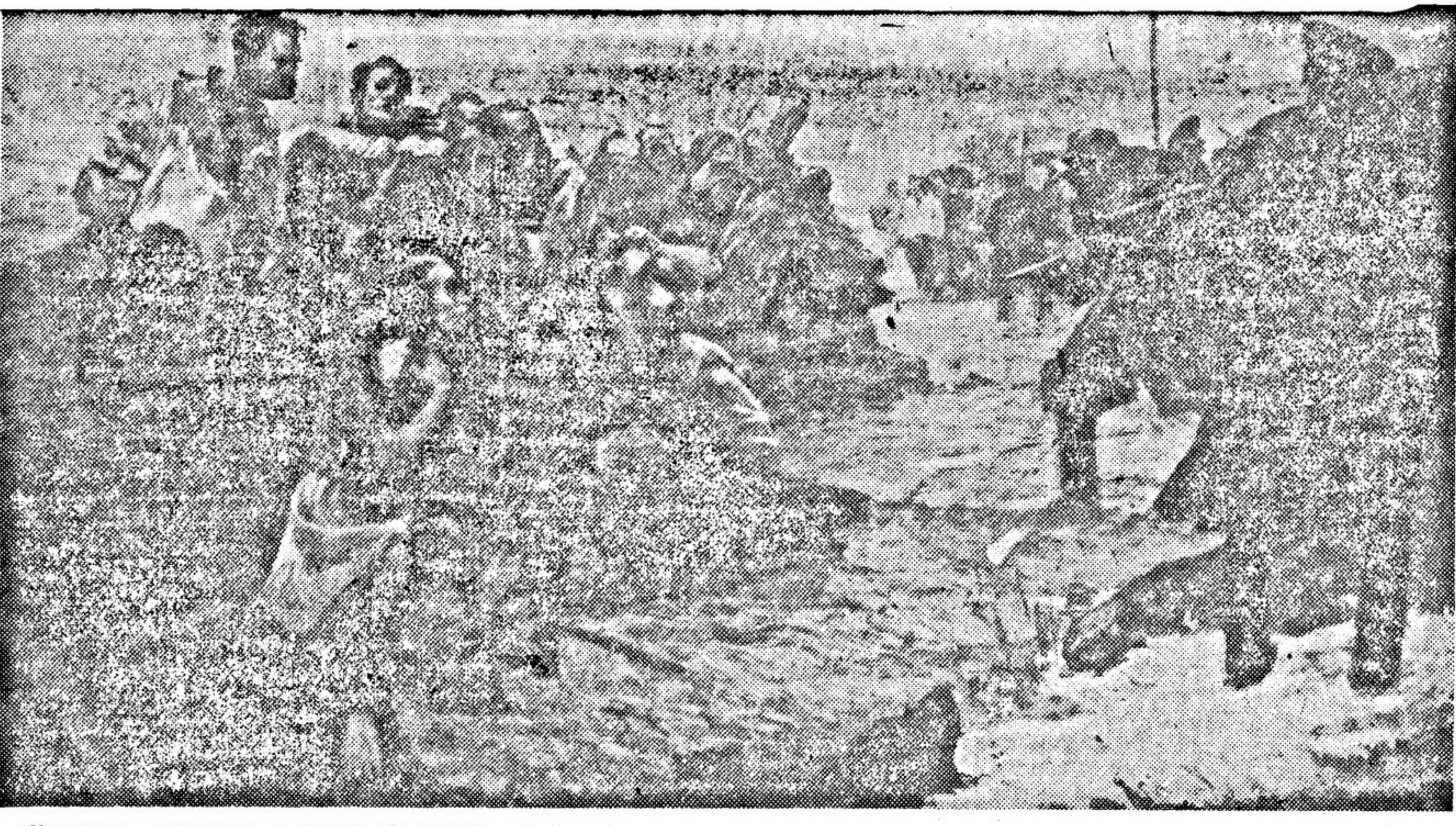
Лейтенант К. с оспитальной койки поставил нам эту сцену. Она — первая в спектакле. И в ней, кажется, найдется верный и страстный ключ к тайне шекспировской игры.

К нашему городку приближился фронт, и у коллектива оказалось по горло другого, неотложного, захватывающего дела. Еще нельзя сказать, когда нам удастся осуществить рожденный в армии замысел шекспировского спектакля. Но когда бы это ни случилось, его основой будет та прелесть, которую мы узнали о человеке в десятках встреч, случаев и повестей, по которым на только что рассказывали.

На наших глазах великий гигант человеческой мысли, мирового искусства, борясь за настоящего человека против мрачных целей тирании, протянул дружескую руку коллективному гиганту наших дней, вооруженному народу, отстаивающему крохотное человеческое сердце, этого настоящего человека. С великим уважением перечитываем мы странички знаменитых комментаторов Шекспира, но ни Брандес, ни Герингус, никто не сказал так много сердцу человека, как люди с серебряными крыльями на голубых петлицах.

Они сделали для нас Шекспира доступным, простым и родным. Таким — при их дружеской помощи — мы и пронесем его сквозь гул великой отечественной войны на подмошку к зрителю победившего народа.

Редакционная коллегия: Т. ЗУЕВА, А. КАПЛЕВ, Е. КОВАЛЧУК, А. СУРКОВ, А. СОЛОДОВНИКОВ, А. ФАДЕЕВ (отв. редактор).

«Немецкие оккупанты в Керчи. Багерова». Картина Ф. РЕШЕТНИКОВА. Выставка «Великая Отечественная война».

ПОЧЕМУ МЕДЛЕННО ДЕЛАЮТСЯ ФИЛЬМЫ

ПИСЬМО ИЗ АЛМА-АТА

За ночь под ед кино студия превратилась в железнодорожный перрон. С пышною поволоклоклассического фронта убрала цветные стекла-указатели «Центральная объединенная киностудия». На их месте появилась узкая вывеска «Пересыпь», табличка «Буфетъ I и II класса». К бетонному перрону прикрепили стационный колокол; язык его был подвязан веревкой к крошечной. Казалось, еще минута, и к платформе подойдет состав с желтыми, синими, зелеными вагонами, дестра толпа выскочит на дебаркадер...

В мае и июне руководители ряда с'емочных групп настаивали на якобы совершенно необходимых дальних экспедициях. В поездках предполагалось участие свыше 200 человек. Когда по не зависящим от студии обстоятельствам дальние экспедиции в нынешнем году отпали, например, картины «Партизаны» вовсе не следовало путешествовать за 2.000 километров на Волгу. Необходимая натура нашлась буквально в получасе езды от студии. А ведь на уточнение географической экспедиции, «разведку», подготовку и т.п. было затрачено много времени, энергии, средств.

В начале июля в сценарном отделе студии возникла интересная идея — выпустить злободневный кинофильм по типу журнала. Сборник предполагалось сделать в течение месяца. С той поры прошло четверть года. В Алма-Ата все «уточняют» содержание сборника. Где уж тут думать о его злободневности!

В некоторых с'емочных группах варварски расходуют пленку. Так, одна сцена в «Антоне Рыбине» была снята с коэффициентом 14. Это уже не только игнорирование приказа Комитета по делам кинематографии, а прямое преступление.

Но в атмосфере всепроникновения, характерной для студии, люди как бы свыклись с «большими» и «малыми» нарушениями порядка.

В иных коллективах низка трудовая дисциплина, срыв графика часто остается безнаказанным для виновников, хотя случается, что на с'емку забывают пригласить ведущую актрису (!) или захватить микрофон. Не важны прогнаны и опоздания. Сотни часов теряются ежедневно на получение обеда в столовой, где достаточно продуктов и велик обслуживающий персонал.

В коридорах и вестибюле стоит гуд — десятки людей проводят здесь свое время. В праздных беседах текут часы в некоторых с'емочных группах. Следствие этого нетерпимое в военное время благодушие — неиспользование людских и материальных резервов студии. А резервы очень велики.

Исполнилось 75 лет со дня рождения заслуженного деятеля искусства, писателя Николая Дмитриевича Телешева.

Его первые стихи появились в 1894 году в журнале «Радауга». С тех пор он написал много рассказов из народной жизни, о Сибиря, о переселенцах, уральских шахтерах. Сейчас печатается его шестидесятая книга — «Зависки писателя».

В течение двадцати лет Н. Д. Телешев руководит Музеем МХАТ СССР имени Горького.

Президиум Союза советских писателей СССР обратился к Н. Д. Телешеву с приветствием, в котором говорится: «На протяжении всей своей творческой и славной жизни вы с честью носили звание писателя-гражданина, преданного своей родине, своему народу, его прогрессивным идеалам. Еще на пороге XX века вы выступили с рассказами и очерками, сразу поставившими вас в ряды передовых представителей нашей литературы. Не случайно Чехов и Горький так высоко ценили ваш глубокий и воздушный талант вдумчивого художника-реалиста и ваши незаурядные способности литератора-общественника, главного создателя и руководителя знаменитой писательской организации «Среда», объединившей вокруг себя лучших представителей тогдашней литературы».

После Великой Октябрьской социалистической революции вы широко развернули свои способности писателя-общественника. С юношеской энергией начали вы работать в советских литературных и просветительских организациях. Особенно хочется отметить ваше участие в издательских органах Наркомпроса, в руководстве музеем Художественного театра и в бескомпромиссном руководстве «Обществом им. А. П. Чехова».

Ваши литературные произведения, неоднократно переиздаваемые советскими издательствами, продолжают традиции русской классической литературы, близки и дороги широким кругам советских читателей. Желаем вам долго и плодотворно работать на пользу советской литературы.

10 ноября в Художественном театре состоялось чествование Н. Д. Телешева.

Огромный интерес вызвали у москвичей афиши о первых спектаклях МХАТ СССР имени Горького. В первый же день все билеты на объявленный спектакль — пьесе А. Корнейчука «Фронт» — были проданы.

12 ноября о большим успехом в театре прошла премьера пьесы Н. Погодина «Кремлевские куранты».

18 ноября театр возобновляет постановку пьесы Горького «Враги». До конца месяца будет возобновлен спектакль «Три сестры».

Одним из отличных библиотечки покорит книгу из отличной библиотечки школы. Каждая почта приносит пакеты и письма с материалами, много друзей слали в наш городок свои советы, воспоминания, замечания. Меня глубоко взволновал тот день, когда мне перешли сразу два письма от моего учителя, заслуженной артистки РСФСР Н. А. Смирновой...

И это рождается. К читанным ранее книжкам комментариам и исследованиям — война, армия, ее люди вносили свои комментарии, как все у народа, героические, ясные и простые. Мы, сами того не замечая, жили в шекспировской атмосфере, и каждый день дарил нас шекспировскими впечатлениями.

Раненый лейтенант К. приподнялся с койки. В его глазах словно снова встала вся картина его удачной штурмовки. — Делаю еще шаг! — говорит он актерам, для которых летняя терминология давно стала своей. — Хочется еще принести пользу.

Да, мы вполне согласны с ним: использовать наземные группы фашистских войск — это значит принести пользу родине, человечеству, жизни. Мы только бы, наверное, никогда не решились определить этого такими точными и простыми словами.

Но вот наш лейтенант снова откинулся на подушки. На его лице счастливая, добрая улыбка. — Никогда не забуду этого утра. На душе было хорошо, ясно. Я веду огонь, а наверх взглянул — товарищи отстрелялись и меня охраняют. И ныряют они, дорогие, в воздухе, как чайки (маленькая пауза, лейтенант словно помогает пальцами здоровой руки выплывать более точное, более ласковое слово)... как пучки серебристые, — с радостной нежностью заканчивает он.

Мы тоже не забудем этого утра. Не быв в бою, мы познали в отраженном бой блеске глаз, в этих любовно найденных «пучках» радостное упоение боя, правым делом бою, красотой проверяемой под выстрелами боевой дружеской подлечки.

И мы поняли того раненого в первой сцене «Макбета», который, рассказывая о тельце, что выкинувшей его битве, все время находит и выразительные эпитеты, и волнующие образы — и пловцов, «когда они, схватив, теснят друг друга», и командиров, «иснувших» врага, «как зайцев белые иль воробьев орлы». Это то же восторженное упоение боем за правое дело, а не пышная цветистость литературной речи.

Лейтенант К. с оспитальной койки поставил нам эту сцену. Она — первая в спектакле. И в ней, кажется, найдется верный и страстный ключ к тайне шекспировской игры.

К нашему городку приближился фронт, и у коллектива оказалось по горло другого, неотложного, захватывающего дела. Еще нельзя сказать, когда нам удастся осуществить рожденный в армии замысел шекспировского спектакля. Но когда бы это ни случилось, его основой будет та прелесть, которую мы узнали о человеке в десятках встреч, случаев и повестей, по которым на только что рассказывали.

На наших глазах великий гигант человеческой мысли, мирового искусства, борясь за настоящего человека против мрачных целей тирании, протянул дружескую руку коллективному гиганту наших дней, вооруженному народу, отстаивающему крохотное человеческое сердце, этого настоящего человека. С великим уважением перечитываем мы странички знаменитых комментаторов Шекспира, но ни Брандес, ни Герингус, никто не сказал так много сердцу человека, как люди с серебряными крыльями на голубых петлицах.

Они сделали для нас Шекспира доступным, простым и родным. Таким — при их дружеской помощи — мы и пронесем его сквозь гул великой отечественной войны на подмошку к зрителю победившего народа.

Редакционная коллегия: Т. ЗУЕВА, А. КАПЛЕВ, Е. КОВАЛЧУК, А. СУРКОВ, А. СОЛОДОВНИКОВ, А. ФАДЕЕВ (отв. редактор).

ПОЧЕМУ МЕДЛЕННО ДЕЛАЮТСЯ ФИЛЬМЫ

ПИСЬМО ИЗ АЛМА-АТА

За ночь под ед кино студия превратилась в железнодорожный перрон. С пышною поволоклоклассического фронта убрала цветные стекла-указатели «Центральная объединенная киностудия». На их месте появилась узкая вывеска «Пересыпь», табличка «Буфетъ I и II класса». К бетонному перрону прикрепили стационный колокол; язык его был подвязан веревкой к крошечной. Казалось, еще минута, и к платформе подойдет состав с желтыми, синими, зелеными вагонами, дестра толпа выскочит на дебаркадер...

В мае и июне руководители ряда с'емочных групп настаивали на якобы совершенно необходимых дальних экспедициях. В поездках предполагалось участие свыше 200 человек. Когда по не зависящим от студии обстоятельствам дальние экспедиции в нынешнем году отпали, например, картины «Партизаны» вовсе не следовало путешествовать за 2.000 километров на Волгу. Необходимая натура нашлась буквально в получасе езды от студии. А ведь на уточнение географической экспедиции, «разведку», подготовку и т.п. было затрачено много времени, энергии, средств.

В начале июля в сценарном отделе студии возникла интересная идея — выпустить злободневный кинофильм по типу журнала. Сборник предполагалось сделать в течение месяца. С той поры прошло четверть года. В Алма-Ата все «уточняют» содержание сборника. Где уж тут думать о его злободневности!

В некоторых с'емочных группах варварски расходуют пленку. Так, одна сцена в «Антоне Рыбине» была снята с коэффициентом 14. Это уже не только игнорирование приказа Комитета по делам кинематографии, а прямое преступление.

Но в атмосфере всепроникновения, характерной для студии, люди как бы свыклись с «большими» и «малыми» нарушениями порядка.

В иных коллективах низка трудовая дисциплина, срыв графика часто остается безнаказанным для виновников, хотя случается, что на с'емку забывают пригласить ведущую актрису (!) или захватить микрофон. Не важны прогнаны и опоздания. Сотни часов теряются ежедневно на получение обеда в столовой, где достаточно продуктов и велик обслуживающий персонал.

В коридорах и вестибюле стоит гуд — десятки людей проводят здесь свое время. В праздных беседах текут часы в некоторых с'емочных группах. Следствие этого нетерпимое в военное время благодушие — неиспользование людских и материальных резервов студии. А резервы очень велики.

Одним из отличных библиотечки покорит книгу из отличной библиотечки школы. Каждая почта приносит пакеты и письма с материалами, много друзей слали в наш городок свои советы, воспоминания, замечания. Меня глубоко взволновал тот день, когда мне перешли сразу два письма от моего учителя, заслуженной артистки РСФСР Н. А. Смирновой...

И это рождается. К читанным ранее книжкам комментариам и исследованиям — война, армия, ее люди вносили свои комментарии, как все у народа, героические, ясные и простые. Мы, сами того не замечая, жили в шекспировской атмосфере, и каждый день дарил нас шекспировскими впечатлениями.

Раненый лейтенант К. приподнялся с койки. В его глазах словно снова встала вся картина его удачной штурмовки. — Делаю еще шаг! — говорит он актерам, для которых летняя терминология давно стала своей. — Хочется еще принести пользу.

Да, мы вполне согласны с ним: использовать наземные группы фашистских войск — это значит принести пользу родине, человечеству, жизни. Мы только бы, наверное, никогда не решились определить этого такими точными и простыми словами.

Но вот наш лейтенант снова откинулся на подушки. На его лице счастливая, добрая улыбка. — Никогда не забуду этого утра. На душе было хорошо, ясно. Я веду огонь, а наверх взглянул — товарищи отстрелялись и меня охраняют. И ныряют они, дорогие, в воздухе, как чайки (маленькая пауза, лейтенант словно помогает пальцами здоровой руки выплывать более точное, более ласковое слово)... как пучки серебристые, — с радостной нежностью заканчивает он.

Мы тоже не забудем этого утра. Не быв в бою, мы познали в отраженном бой блеске глаз, в этих любовно найденных «пучках» радостное упоение боя, правым делом бою, красотой проверяемой под выстрелами боевой дружеской подлечки.

И мы поняли того раненого в первой сцене «Макбета», который, рассказывая о тельце, что выкинувшей его битве, все время находит и выразительные эпитеты, и волнующие образы — и пловцов, «когда они, схватив, теснят друг друга», и командиров, «иснувших» врага, «как зайцев белые иль воробьев орлы». Это то же восторженное упоение боем за правое дело, а не пышная цветистость литературной речи.

Лейтенант К. с оспитальной койки поставил нам эту сцену. Она — первая в спектакле. И в ней, кажется, найдется верный и страстный ключ к тайне шекспировской игры.

К нашему городку приближился фронт, и у коллектива оказалось по горло другого, неотложного, захватывающего дела. Еще нельзя сказать, когда нам удастся осуществить рожденный в армии замысел шекспировского спектакля. Но когда бы это ни случилось, его основой будет та прелесть, которую мы узнали о человеке в десятках встреч, случаев и повестей, по которым на только что рассказывали.

На наших глазах великий гигант человеческой мысли, мирового искусства, борясь за настоящего человека против мрачных целей тирании, протянул дружескую руку коллективному гиганту наших дней, вооруженному народу, отстаивающему крохотное человеческое сердце, этого настоящего человека. С великим уважением перечитываем мы странички знаменитых комментаторов Шекспира, но ни Брандес, ни Герингус, никто не сказал так много сердцу человека, как люди с серебряными крыльями на голубых петлицах.

Они сделали для нас Шекспира доступным, простым и родным. Таким — при их дружеской помощи — мы и пронесем его сквозь гул великой отечественной войны на подмошку к зрителю победившего народа.

Редакционная коллегия: Т. ЗУЕВА, А. КАПЛЕВ, Е. КОВАЛЧУК, А. СУРКОВ, А. СОЛОДОВНИКОВ, А. ФАДЕЕВ (отв. редактор).

Адрес редакции и издательства: Москва, Спирidonовка, 2. Телефон К 4-76-02.

Типография издательства «Московский большевик», Чистые пруды, 8.

„ИНЖЕНЕР СЕРГЕЕВ“

Герой пьесы Всеволода Рока — выдающийся деятель советской техники, коммунист, вынужден в дни германского нашествия воевать замечательную гидроэлектростанцию, директором которой он является. Понимая, как тягостно советским людям уничтожать собственными руками великодушные сооружения, в введении которых ими вложено столько мысли, труда, любви, германские фашисты через своих агентов пытаются использовать это естественное чувство, чтобы вымолочить станцию в неповрежденном состоянии. Однако инженер Сергеев не поддается в ловушку, он не позволяет этому чувству возобладать над долгом. Тогда враг путем диверсии предотвращает взрыв. Но даже попав в руки немцев, инженер Сергеев выполняет свой долг. Не растерявшись в сложной ситуации и найдя способ обмануть фашистов, он вырывает станцию именно в тот момент, когда на ней находится представитель германского командования. Сергеев героически гибнет, нанеся врагу двойной урон.

Автор сумел связать в единый драматический узел судьбы различных персонажей. При этом он проявил несомненное знание людей, отчетливое понимание их побуждений и поступков и ясное представление об обстоятельствах, в которых этим людям приходится действовать. Отсюда — жизненность образов и положений пьесы, отсутствие искусственности и надуманности, иногда дающих себя знать в пьесах о войне, авторы которых пытаются возместить комбинациями внешних коллизий недостаток непосредственных наблюдений. Автор «Инженера Сергеева» отнюдь не боится острых и смелых положений, но эти положения у него не банальны, они оправданы и самой действительностью и внутренним развитием пьесы.

Насколько нам известно, Всеволод Рок впервые выступает с драматическим произведением, по крайней мере, с крупным. И хотя в «Инженере Сергееве» диалог нуждается в дополнительной стилистической шлифовке, все же, несомненно, у автора есть и чувство сцены, и понимание ее законов.

Наряду с глубоко драматическими и крупными по масштабу событиями автор дает превосходно написанную сцену обещания в любви между рыцарем на фронте сыном Сергеева и дочерью старшего монтера электростанции, происшедшую... в момент ожесточенной бомбардировки. Это немким образом не эффективная притча драматурга, а очень удачно помещенный жизненный контраст, закономерно переходящий в контраст сценический.

Постановка «Инженера Сергеева» осуществлена в Тбилиси, в Государственном драматическом театре имени А. С. Грибоедова и в Тбилисском государственном театре им. К. Марджанишвили.

Театр им. Грибоедова проделал большую и серьезную работу. Постановщик — А. И. Рубин вдумчиво и убедительно раскрыл образы пьесы и взаимоотношения ее персонажей.

Успеху спектакля во многом содействует хорошее исполнение большинства ролей. Центральным образом — инженером Сергеева талантливо воплощен И. Н. Водоровым. Это — настоящий советский патриот, стойкий, мужественный, непреклонный, идущий до конца на осуществлении заветов, возложенных на него родиной, и без колебания отдающий родине свою прекрасную жизнь. Предельно честный, чуждый всякой расовке, Сергеев привлекает к себе все симпатии зрителей. Так же до конца предан родине и гибнет за нее вместе с Сергеевым простой и искренний человек, старший монтер Пыжик (артист К. К. Мюффе) и четкий во всех своих действиях четкий, мастеровски раскрывающий козни врага — старший лейтенант государственной безопасности Сурвцев (артист К. А. Добжинский). Среди образов фашистских оккупантов выделяется фигура лейтенанта германской армии Грета, тупое самодовольство и наглую самоуверенность которого великолепно передает артист В. Д. Враги. Отлично сыграны А. Д. Смирнинным роль приятеля, инженера Тамьяна.

Зритель хорошо принимает этот спектакль о стойкости, самоотверженности и беззаветном героизме советских людей. Тбилиси.

Ф. КАВЕРИН

КОММЕНТАРИИ К ШЕКСПИРУ

Прошел год работы нашего театра среди военных летчиков. Нельзя даже приблизительно передать всю силу, все обилие впечатлений, которыми пропитан за этот год — год войны — каждый искренний и ищущий художник. Среди всех этих впечатлений, как одно из тех, которые помогли нам расти, наметила незабываемая остается наша встреча в армии о Шекспиром и наше новое знакомство с ним.

Началось это так. Год назад на торжественном октябрьском заседании от стола президиума на трибуну для доклада о 24-х годах пролетарской революции выступил полковой комиссар Новиков. Мы уже успели пообщаться с этим простым и строгого командиром. Его неожиданные задания театру часто сперва пугали, а потом радовали нас. Но сегодня, сейчас, нас, сидящих в президиуме, особенно заинтересовало то, что в кучке книг и газет, которые комиссар положил на трибуну в качестве материала для доклада, поместился толстый брошюровский том Шекспира из нашей локальной библиотеки.

Враги наступали на Москву. Военная часть жила напряженной жизнью, и те, кто сейчас валялись зрительный зал, годовой себя к смертельным боям. И здесь — на этом собрании — разговор Шекспира. Мы услышали монолог Макбета:

Я так глубоко, погружаясь в кровь, что все равно не стоит возвращаться.

Через слушателями встал образ кровавого изверга, которому нечего терять, потому что возврата нет, потому что друзей его теперь — только убийцы, и ему остается только идти путем насилия и крови, пока мы слушали, летчики-истребители, не оставили его смертью. Шекспир поет. И я знаю, кто о чем думал в это время, но проносящая мысль докладывающего, а невольно вылезла из густой зелени красноармейских гимнастеров, за юным блеском глаз свежую зелень бирманского леска.

Теперь вспоминаешь с улыбкой неловкость, как совсем второстепенные вещи чуть было не заслонили от нас главного, как мы оказались сопротивлением первому непосредственному творческому чувству, оказавшись на повлуду доверенных приятелей, короче, как мы ичугались через несколько дней, когда начали перебирать шекспировские темы, листать странички его трагедий. Нас гипнотизировало собственное благоговение. Каждый находил десятки соображений:

— Нужен год подготовительной работы! — Владимир Иванович три года работает над «Гамлетом»! — Мы ни разу не играли Шекспира всерьез: «Копец — делу венес» был былым озорством от молодости! — Кто посмеет взяться за Отелло или Ричарда в короткие сроки? Нельзя же оставлять работу над сегодняшним репертуаром!

— Нам мало. — Где достать необходимые материалы? Коллектив во главе с худруком самоудовлетворялся. Но, чтобы выполнить заказ, мы предложили поставить «Виндзорских кумушек»: небольшая пьеса легко монтируется в три акта, у нас очень хорошо расхлослась роли, нам поможет наш опыт в классической комедии, наконец, главное это не так страшно.

Через несколько дней я смущенно докладывал общему собранию, что командование и политотдел не хотят насильствовать наших творческих возможностей; что был большой смысл ставить одну из величайших трагедий Шекспира — она входит в общеобразовательную программу летичкакурсанта, и зритель этот достоян такого спектакля; что в первую очередь и его и нас волнует сегодня Шекспир-бокс, Шекспир-патриот; что здесь сам коллектив найдет новое и сегодняшнее, а комедия в репертуаре театра много.

Решение было вынесено немедленно и единогласно: ставим «Макбета». Дни колдований Вечеслова и Шатова, кому взять на себя такую ответственность? Наконец, решено: Макбет — Шатов, леди — Царева. Я сажусь за экземпляр, художник Ладьянский пристально, чем обычно, прощупывает каждый уголок нашей сцены.

На режиссерский стол спосились стопки книг из отличной библиотечки школы. Каждая почта приносит пакеты и письма с материалами, много друзей слали в наш городок свои советы, воспоминания, замечания. Меня глубоко взволновал тот день, когда мне перешли сразу два письма от моего учителя, заслуженной артистки РСФСР Н. А. Смирновой, с ее описанием работы над постановкой «Макбета» в Малом театре, о vloхонических мыслями К. С. Станиславского об отдельных кусках трагедии, — и от своей ученицы: по Гитцу, подробно описывавшей мне последнюю шекспировскую конференцию в Москве. Шекспир в отечественной войне, в Красной Армии — и на стыке двух поколений. Должно что-то родиться.

И это рождается. К читанным ранее книжкам комментариам и исследованиям — война, армия, ее люди вносили свои комментарии, как все у народа, героические, ясные и простые. Мы, сами того не замечая, жили в шекспировской атмосфере, и каждый день дарил нас шекспировскими впечатлениями.

Раненый лейтенант К. приподнялся с койки. В его глазах словно снова встала вся картина его удачной штурмовки. — Делаю еще шаг! — говорит он актерам, для которых летняя терминология давно стала своей. — Хочется еще принести пользу.

Да, мы вполне согласны с ним: использовать наземные группы фашистских войск — это значит принести пользу родине, человечеству, жизни. Мы только бы, наверное, никогда не решились определить этого такими точными и простыми словами.

Но вот наш лейтенант снова откинулся на подушки. На его лице счастливая, добрая улыбка. — Никогда не забуду этого утра. На душе было хорошо, ясно. Я веду огонь, а наверх взглянул — товарищи отстрелялись и меня охраняют. И ныряют они, дорогие, в воздухе, как чайки (маленькая пауза, лейтенант словно помогает пальцами здоровой руки выплывать более точное, более ласковое слово)... как пучки серебристые, — с радостной нежностью заканчивает он.

Мы тоже не забудем этого утра. Не быв в бою, мы познали в отраженном бой блеске глаз, в этих любовно найденных «пучках» радостное упоение боя, правым делом бою, красотой проверяемой под выстрелами боевой дружеской подлечки.

И мы поняли того раненого в первой сцене «Макбета», который, рассказывая о тельце, что выкинувшей его битве, все время находит и выразительные эпитеты, и волнующие образы — и пловцов, «когда они, схватив, теснят друг друга», и командиров, «иснувших» врага, «как зайцев белые иль воробьев орлы». Это то же восторженное упоение боем за правое дело, а не пышная цветистость литературной речи.

Лейтенант К. с оспитальной койки поставил нам эту сцену. Она — первая в спектакле. И в ней, кажется, найдется верный и страстный ключ к тайне шекспировской игры.

К нашему городку приближился фронт, и у коллектива оказалось по горло другого, неотложного, захватывающего дела. Еще нельзя сказать, когда нам удастся осуществить рожденный в армии замысел шекспировского спектакля. Но когда бы это ни случилось, его основой будет та прелесть, которую мы узнали о человеке в десятках встреч, случаев и повестей, по которым на только что рассказывали.